

Herzog

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ

МАТЕРИНСКАЯ ШКОЛА

Перевод Д.Н. Королькова

*Под редакцией,
с вводящей статьёй
и примечаниями
проф. А.А. Красновского*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА • 1947

БИБЛИОТЕКА ВОСПИТАТЕЛЯ ДЕТСКОГО САДА

Утверждено
Министром просвещения РСФСР
к изданию 4 мая 1947 г., протокол № 187.

Я. А. КОМЕНСКИЙ И ЕГО „МАТЕРИНСКАЯ ШКОЛА“

I

Мораванин по происхождению, чех по национальности и языку, великий патриот своей родины, гениальный чешский педагог Ян Амос Коменский в течение всей своей жизни работал в области педагогики на благо всего передового, культурного человечества; за Коменским справедливо упрочилось название «наставника мира».

Родился Коменский в 1592 г. в семье, принадлежавшей к радикально-демократической религиозной секте «Чешских братьев». Рано осиротев, он по небрежности опекунов только на 16 году жизни поступил в среднюю латинскую школу в г. Прерове. Здесь обнаружили исключительные дарования и работоспособность Коменского. По окончании средней школы Коменский получил высшее богословское образование в Герборнском университете, где его учителями оказались профессора, хорошо знакомые с философией и вместе с тем разделявшие взгляды передовых слоёв общества того времени в вопросах об отношении к культурной жизни. Под их влиянием созревают философские, социально-политические и педагогические взгляды юного члена секты «Чешских братьев». Они ввели Коменского в

курс так называемого «хилиазма». По верованиям хилиастов, недалеко время, когда сын божий Христос станет земным царём и будет царствовать тысячу лет. В царствование Христа на земле будут устранены все общественные несправедливости и пороки и наступит всеобщее благополучие. Это верование, по разъяснению Энгельса, являлось идеологией наиболее обездоленной в то время плебейской части общества. «Плебеи в это время, — пишет Энгельс, — ...стояли вне как феодальных, так и городских связей. У них не было ни привилегий, ни собственности, ни даже отягчённого тяжёлыми повинностями владения, которое существовало у крестьян и мелких горожан. Они были во всех отношениях неимущи и бесправны. ...«Это положение плебеев объясняет нам почему плебейская часть общества уже тогда не могла ограничиться одной только борьбой против феодализма и привилегированных горожан; почему она, по крайней мере в мечтах, должна была выйти за пределы едва зарождавшегося тогда современного буржуазного общества; почему она, не имея никакой собственности, должна была уже подвергнуть сомнению учреждения, воззрения и представления, общие всем покоящимся на классовых противоречиях общественным формам»¹. Хилиастические мечтания со студенческих лет до глубокой старости не покидали Коменского. И в одном из своих ранних произведений «Лабиринт мира и рай сердца» (1623) Коменский действительно подверг жестокой критике учреждения, воззрения и представления современного ему общества, государства и церкви и систематически продолжал эту критику и поиски более совершенных форм жизни и во всех своих дальнейших педагогических произведениях.

Как патриот своего народа, Коменский ещё на студенческой скамье собирал народные пословицы и выражения, вёл записки на чешском языке прочитанных книг, набросал план энциклопедии для народа... Всё это Коменский проводил под знаком популяризации науки: «Не надо прятать науку в книгах для учёных, надо, чтобы знание было доступно всем, надо, чтобы каждый писал... для своего народа».

По окончании Герборнского университета Комен-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, 1930, стр. 130—131.

ский около года слушал лекции в Гейдельбергском университете, славившемся также передовыми, прогрессивными профессорами. Большой вклад в мировоззрения Коменского внесло и его путешествие по Западной Европе. Он дошёл до центра мировой торговли того времени — г. Амстердама — и вернулся обратно на родину.

На родине Коменский получает должность директора той средней школы в Прерове, где он сам учился. С 24-летнего возраста, по поручению общины, он принял сан священника, а значительно позже и сан епископа религиозной секты «Чешских братьев», что, однако, не помешало Коменскому развивать и укреплять интересы к педагогическим вопросам.

И уже в первые годы своего директорства в школе в Прерове Коменский написал методическое пособие для облегчённого преподавания латинского языка. Переведённый в цветущий городок Фульнек, Коменский всё своё свободное время отдаёт разносторонней научной и культурной работе: продолжает изучение особенностей чешского языка, подготавливая «Сокровищницу чешского языка», изучает классическую и современную философскую литературу, интересуется географией своей родины и чертит карту Моравии, которой пользовались в течение XVII—XVIII вв.

*

* *

Спокойная, мирная жизнь и работа Коменского в Фульнеке была прервана громом раскатов Тридцатилетней войны (1618—1648). Австрийские, немецкие императоры из Габсбургского дома, возглавлявшие католическую реакцию, с помощью испанского и баварского королей двинули огромные полчища войск, первым делом, на радикально-протестантскую Чехию. В 1620 г. в битве при Белой Горе чешские войска не смогли устоять против превосходящих по своим силам полчищ католиков, и цветущая Чехия отдана была наёмным войскам на разграбление. Австрийские императоры огнём и мечом насаждали католическое вероисповедание, грабили поместья и подчиняли католическим князьям крестьянство. Всем протестантам запрещено было пребывание на территории Чешского королевства.

В этом первоначальном военном разгроме Коменский потерял жену, ребёнка, рукописи. Сначала он скрывался от преследований в горах Чехии, не прекращая, однако, изучать интересовавшую его теперь уже педагогическую литературу. Во время этих скитаний у Коменского созрел план возрождения его несчастной родины. Это возрождение он видел не в чём ином, как в насаждении подлинного научного образования. Под влиянием этих размышлений Коменский начал писать свою «Великую дидактику» как универсальную теорию «учить всех всему».

Когда скрываться в пределах родины уже не представлялось возможным, в феврале 1628 г. Коменский вместе с 30 тысячами семейств протестантов покинул родину и переселился в находившийся неподалеку от границ Чехии польский городок Лешно.

Успехи шведских войск, вступивших с 1629 г. в войну с Габсбургами, окрылили измученных чешских изгнанников надеждами на скорое восстановление независимости их родины. Коменский торопливо заканчивает на чешском языке свои крупнейшие педагогические трактаты: «Великую дидактику» и «Материнскую школу».

Надежды на освобождение родины оказались несбыточными. Чехия потеряла свою политическую самостоятельность, и «Великая дидактика», написанная первоначально на чешском языке, долго не могла увидеть свет. Впервые это выдающееся педагогическое произведение Коменского было опубликовано на чешском языке только во второй половине XIX в.

В Лешно Коменский, ведя педагогическую работу в школе, написал и опубликовал ряд трудов, доставивших ему мировую известность. Это были, во-первых, его учебник латинского языка под названием «Открытая дверь языков», который в течение 10 лет был издан на 12 европейских языках и на 4 восточных; во-вторых, учебное руководство по естествознанию под названием «Физика», тоже выдержавшее несколько изданий на латинском языке и переведённое на английский язык. Наконец, уже помимо Коменского, один из английских меценатов опубликовал в Лондоне первоначальный набросок Коменского под названием «Предвестник всеобщей мудрости» («Пансофия»). Последнее произве-

дение имело исключительный успех. Из каждого города Европы писали издателю; профессор математики в Гамбурге А. Тасс горит желанием изучать «Пансофию», или лучшую дидактику. Если бы Коменский не имел ничего более, то и того было бы достаточно, что он «дал такой толчок умам».

В «Предвестнике всеобщей мудрости» Коменский намечал план создания такого руководства для юношества, в котором были бы сконцентрированы все достижения науки, искусств и культурной жизни человечества. Он предполагал, что такого рода руководство не только поможет освоить культурные достижения передовой мысли, но и послужит средством для излечения человечества от всех бедствий, вытекающих из невежества, предрассудков и суеверий. Поэтому Коменский и называл свою «Пансофию» (всеобщую мудрость) «всеобщей медициной для всего больного тела человечества».

Впечатление, произведённое «Предвестником всеобщей мудрости» на передовые круги английского общества, было настолько велико, что английский парламент специальным постановлением пригласил Коменского в Англию для работы по осуществлению его «Пансофии». Коменский принял это предложение и в 1641 г. прибыл в Лондон. Однако разгоревшаяся в Англии гражданская война отодвинула культурную работу на второй план. Тут же, в Англии, Коменский получил приглашение на работу в Швецию и во Францию. В надежде на помощь Швеции в деле восстановления самостоятельности Чехии, Коменский принял предложение шведов, рассчитывая там продолжать свои труды по «Пансофии».

По дороге в Швецию Коменский ненадолго остановился в Голландии, где его радушно встретили передовые круги учёного мира. Между прочим, здесь он имел свидание с известным философом Декартом, который к тому времени уже успел дать довольно сочувственный отзыв о «Предвестнике всеобщей мудрости» Коменского. Оценивая эту работу, Декарт признавал в Коменском сильный ум, идейность и благородную ревность к общественному благу. Однако Декарт отрицательно относился к плану Коменского дать в одной книге всю совокупность наук, и в особенности, к сочетанию истин науки с истинами откровения. Отмечая эти

недостатки в планах Коменского, Декарт признаёт за Коменским право на высокое уважение. Здесь же, в Голландии, Коменского приглашали на работу по руководству школами одного из штатов Америки.

Во время дальнейшей поездки в Швецию Коменского маперерыв приглашали к себе на работу и устраивали ему торжественную встречу передовые круги общественности так называемых вольных немецких городов Бремена и Любека.

Вопреки всяким предположениям и личным интересам, исключительно в интересах своей родины, Коменский вынужден был заниматься в Швеции составлением учебников латинского языка и методикой преподавания языка для шведских школ.

*

* *

Надежды Коменского на помощь Швеции не оправдались. По Вестфальскому миру 1648 г. Чехия была забыта и осталась во власти немецких императоров на 300 лет, вплоть до 1918 г.

В 1650 г. Коменский получил ещё ряд предложений на службу в другие государства Европы, но он идёт на службу к венгерским князьям из фамилии Ракочи в Трансильвании. Четыре года он руководит там созданной им в Сарос-Потоке так называемой пансофической школой. Это была, по идее Коменского, общеобразовательная семиклассная школа, являвшаяся образцовой для других школ Венгрии.

В Сарос-Потоке Коменский написал ряд педагогических трактатов по практическому руководству школой, несколько пьес для разыгрывания их на сцене школьниками и свой знаменитый «Мир чувственных вещей в картинках». Особенный успех у венгерской общественности, как раньше в Польше, а потом в Голландии, имели школьные пьесы Коменского.

«Мир чувственных вещей в картинках» впервые был опубликован в Нюрнберге в 1658 г. Эта книга являлась родоначальницей иллюстрированных книг первоначального чтения и звукового метода для обучения грамоте. С тех пор и до середины XIX в. она оказалась любимой книгой во всех странах Европы в семье и в школе.

Между прочим, по ней учился в детстве поэт Гёте. В конце XVIII и начале XIX в. эта книга выдержала 4 издания и у нас в России; эту книгу и до сих пор переводят и переиздают на разных языках¹.

Когда, по возвращении из Венгрии, Коменский проживал в Лешно, его постигло новое тяжёлое несчастье. Во время войны между поляками и шведами, подозревая чешских изгнанников в сочувственном отношении к шведам, польские фанатики в 1656 г. сожгли до тла Лешно. В огне пожара погибло не только имущество Коменского, но и его рукописи — результат работы нескольких десятилетий, в том числе «Сокровищница чешского языка».

Коменский вместе со своими соотечественниками лишился было последнего убежища. Чешские изгнанники разбрелись по разным странам а их престарелый епископ Коменский был радушно принят в Амстердаме.

Здесь были переизданы отдельной книгой пьесы для школьников, а затем, по постановлению сената г. Амстердама, в 1657 г. было издано «Собрание педагогических сочинений Коменского», написанных с 1628 по 1657 г. Это прекрасное издание и до сих пор является главнейшим источником для изучения большинства педагогических сочинений Коменского. В этом издании впервые была опубликована на латинском языке его «Великая дидактика», а также и «Материнская школа».

Остаток жизни Коменский провёл в заботах и хлопотах перед различными государствами и обществами о своих рассеянных повсюду соотечественниках.

Все несчастья и страдания скитальческой жизни, однако, не сломили благородства устремлённостей гениального наставника мира.

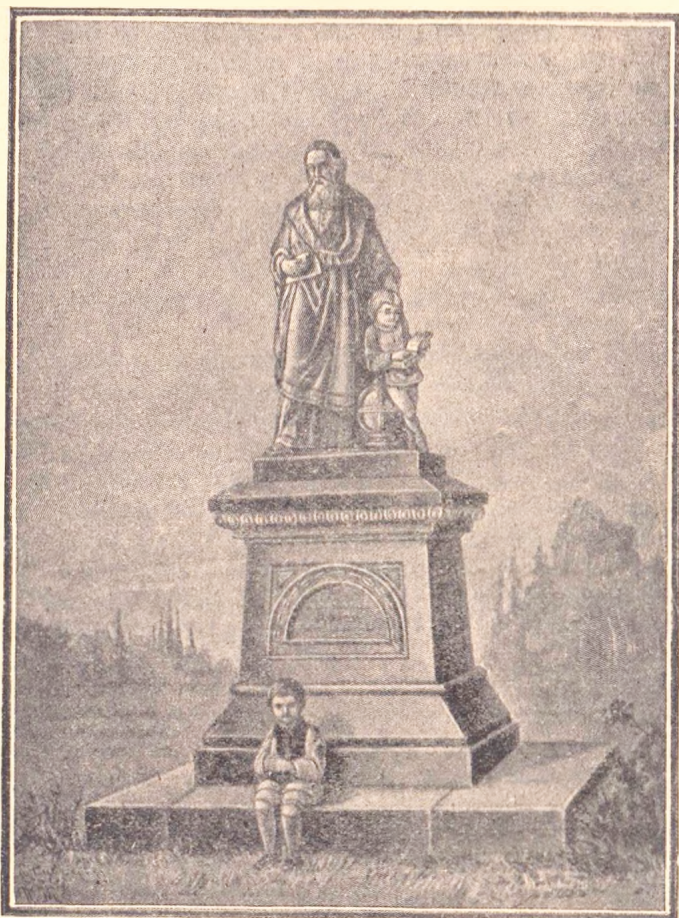
Подводя итоги своей жизни в своей лебединой песне «Единственно необходимое», Коменский подчёркивает, что, лишившись отечества и постоянного пристанища, он всю жизнь оставался человеком исканий...

Скончался Коменский 15 ноября 1670 г. Похоронен в Наардене возле Амстердама.

¹ См. наше издание этой книги: Я. А. Коменский, Собрание педагогических сочинений, т. III. «Мир чувственных вещей в картинках». Перев. под ред. проф. А. А. Красновского, Учпедгиз, 1941.

II

«Материнская школа» — одно из немногих произведений по преддошкольному и дошкольному воспитанию, вполне заслуживающее названия классического. Оно невелико по объёму, но богато по содержанию.

Памятник Я. А. Коменскому в Прерове.

Создавая это произведение, великий чешский педагог руководствовался высокими идейными соображениями. Он подошёл к вопросам преддошкольного и

дошкольного воспитания не только как бесстрастный учёный, мыслитель, а как гражданин, преданный своей родине, и как моралист, глубоко скорбевший о всех пороках своего времени, мешавших не только его родине, но и всему культурному человечеству идти к благополучию и счастью.

Скрываясь от преследований, лишённый постоянного пристанища, Коменский через пять лет после начала Тридцатилетней войны, в 1623 г., написал трогательную книгу под заглавием «Лабиринт мира и рай сердца». В этой книге Коменский раскрыл морально-общественные пороки своей эпохи: случайное, несправедливое и нечестное распределение материальных благ между людьми, непосильный труд для одних, роскошь и разврат для других, неправду в судах, лицемерие церковников, произвол и продажность светской и церковной администрации, поддерживавшей богатых и сильных в ущерб честным труженикам, наконец, безидейность и пустоту даже учёных и философов. И всё это так запутывало людей, что не без основания Коменский назвал такой мир «лабиринтом», т. е. миром запутанных, безвыходных положений и отношений.

«...Даже те, кто выдаёт себя за вождей других (Коменский имеет в виду представителей церковной и государственной власти. — А. К.), плохо идут вперёд, уходя с прямого пути. Те, которые должны были бы быть светильниками, большей частью распространяют мрак. А где только есть что-либо доброе и истинное, то искалечено, изуродовано, растерзано; мало того, это тень и обманчивое мнение, если сравнить его с тем, что должно было у нас быть. Кто этого не замечает, пусть знает, что он поражён слепотой». (См. «Великую дидактику», «Всем стоящим во главе человеческих учреждений», §§ 10—12.)

Коменский правильно схватил моральное состояние общественной и личной жизни людей его времени. Но вопрос о причинах такого состояния остался для него неясным. Коменский не понял, что эти причины коренятся в социально-экономических, классовых, эксплуататорских основах общества. Поэтому Коменский не мог сделать и правильного вывода о целесообразных путях выхода из положения и пошёл по идеалистическому пути. Он стал искать выхода из общественных бедствий в развитии и распространении точных знаний о

мире и обществе и в моральном усовершенствовании людей. Впрочем, это было вполне понятно для той эпохи. Как известно, по этому пути пошли и такие ярко выраженные социалисты эпохи Возрождения, как англичанин Томас Мор и итальянец Фома Кампанелла. В основном, такой же путь преобразования общества мыслился и ближайшему предшественнику Коменского, знаменитому Бэкону Беруламскому, а также и позднейшим философам XVIII в. и даже социалистам-утопистам XIX в.

Нужно отдать честь благороднейшим стремлениям Коменского к распространению знания и науки среди широчайших народных масс. Он стремился «учить всех всему». Понятно, что этот путь в то время не являлся решающим в преобразовании общества, но он безусловно необходим и во всяком случае в ту эпоху в особенности служил ярким выражением демократического направления мысли сторонников этого взгляда.

*

* *

Огромной заслугой Коменского является то обстоятельство, что он был одним из первых мыслителей, остановивших своё внимание на вопросах преддошкольного и дошкольного воспитания. Он придал этой ступени воспитания первостепенное значение и показал, что эта ступень является необходимой составной частью всей системы воспитания подрастающих поколений. Он рассматривал правильное воспитание в преддошкольном и дошкольном возрасте, во-первых, как средство предохранить детей от вредных случайных воздействий на них, а во-вторых, как прочную основу для всего последующего воспитания. Он полагал, что без хорошего первоначального воспитания ребёнка в семье решительно пострадает всё последующее воспитание и образование человека.

Неправильно было бы утверждать, что у Коменского не было предшественников в вопросах дошкольного воспитания. Так, целый ряд вопросов, в том числе о роли наследственности, о детских играх и забавах, даже об общественных формах преддошкольного и дошкольного воспитания, был довольно обстоятельно развит гениальным греческим философом Платоном (427—347 до н. э.)

Коменский знал идеи Платона. Нередко сочувственно цитировал его. Однако предшественники Коменского выдвигали и обсуждали только отдельные частные вопросы дошкольного воспитания и не привели своих взглядов в такую систему, как это сделал Коменский.

Кроме того, Платон отрицательно относился к семье и семейному воспитанию. Он считал семью, наряду с частной собственностью, главнейшим препятствием к осуществлению социалистического строя. Переоценивая общественные формы воспитания, Платон оторвал ребёнка от матери и предлагал сразу после рождения ребёнка сдать его в ясли. Между тем жизнь пошла совсем иными путями, чем мыслил Платон... И до сих пор мы не можем пренебречь семьёй как естественной первоначальной общественной формой воспитания детей. Тем более Коменский не мог обойти воспитание в семье в своё время, когда, кроме семьи, не было других форм первоначального воспитания и когда с развитием капиталистического строя проявлялись уже слабости семьи в деле воспитания. В этом отношении Коменский является прямым предшественником идей Руссо и Песталюцци и наших великих педагогов Н. И. Пирогова и К. Д. Ушинского, которые высоко ценили семейное воспитание и роль матери.

Выдвигая роль семьи, и в частности матери, в дошкольном воспитании, Коменский говорит о семье вообще и матери любого сословно-классового положения. Не подлежит, однако, сомнению, что для Коменского, сочувственно относившегося к плебеям, были далеко не безразличны интересы плебейской части общества и в его планы семейного, преддошкольного и дошкольного воспитания входила забота о том, чтобы его идеи нашли для себя осуществление в возможно более широких кругах.

Своей «Материнской школой» Коменский имел в виду помочь семьям, в частности матерям и няням, правильно, разумно поставить воспитание детей в преддошкольном и дошкольном возрасте. Коменский всё время стремился к тому, чтобы все дети получили правильное воспитание. Недаром в его системе образовательных учреждений материнская школа рассматривается как необходимая первая ступень образования и воспитания.

Одной из характерных особенностей педагогики нового времени является провозглашённое ещё гуманистами уважение к ребёнку.

Однако, любя детей естественной любовью родителей, ценя и уважая права детства, детские радости, развлечения, взрослое поколение, а тем более родители, общество, государство, не могут всё же отказаться от взгляда на детей, как на будущих членов общества и строителей новой жизни. Как естественна любовь к детям, так же естественно и стремление старших поколений передать детям свой опыт и вооружить их знаниями и навыками для предстоящей им не только индивидуальной, но и общественно-политической жизни.

Поэтому представляется весьма серьёзной педагогической проблемой вопрос о том, как сочетать любовь к детям и уважение к их правам на самостоятельную детскую жизнь с правами и заботами взрослых о подготовке из детей деятельных, трудоспособных членов общественно-политической жизни.

В этом отношении характерно уже начало «Материнской школы». Ссылаясь на высказывания античных мыслителей, Коменский пробуждает у читателей любовь и уважение к детям, напоминает читателям, что в детях зреют будущие видные культурные и общественные деятели, учёные, философы, профессора, администраторы. Наконец, путём разнообразных доказательств Коменский показывает, что «для родителей дети должны быть милее и дороже, чем золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, что дети нам даются как зеркало скромности, приветливости, доброты, согласия и других добродетелей».

Все эти размышления и соображения Коменского о детях, как и некоторая часть его педагогической системы, пронизаны религиозно-христианским мировоззрением автора. Религиозные соображения и мотивы, так часто встречающиеся в «Материнской школе» Коменского, совершенно неприемлемы для нас. Ещё во времена Коменского такой передовой представитель науки и философии, как Декарт, считал недопустимым сочетать истины науки с истинами откровения, то-есть с религиозными взглядами, и читатель нашего времени должен относиться к «Материнской школе» критически и взять из неё то содержание педагогической системы,

которое не потеряло своей ценности и значимости и для нашего времени.

В «Материнской школе» в лице Коменского перед нами вырастает мыслитель, усвоивший себе новые принципы, новое понимание детей и их назначения в жизни. Это новое мировоззрение он последовательно доводит до отрицания старых, обветшавших религиозных представлений. По этим старым представлениям детей считали заражёнными грехом первых людей. На практике в системе отношения к детям господствовали суровые заветы древнесврейского писателя Иисуса, сына Сирахова. Считалось необходимым жестокими наказаниями выколачивать из детей греховность, истязать их тело, чтобы высвободить душу из телесной темницы.

В унисон с эпохой Возрождения Коменский открывает в детях положительные творческие силы и утверждает, что в детях больше первородной здоровости, чистоты и неиспорченности, чем это было принято думать в эпоху раннего средневековья. А потому Коменский ставит задачу помочь детям развить положительные задатки.

По средневековым религиозным представлениям, детей считали уже от рождения наделёнными такой же душой, как и душа взрослых, и не считались со слабостью детского организма и ещё меньше понимали необходимость учитывать постепенность в развитии детей. Коменский же постоянно призывает родителей считаться с ещё неокрепшими физическими и духовными силами детей. Он предлагает учитывать возрастные особенности детей, хотя и не раскрывает этих особенностей в деталях и подробностях. Больше того, он предлагает считаться и с тем, что одни дети развиваются быстрее, а другие медленнее, а потому он советует родителям разумно относиться к этому и не спешить с развитием одних и не замедлять его у других. Предлагая воспитывать и обучать детей в том же направлении, в каком живут и действуют взрослые, Коменский неоднократно предупреждает о необходимости все знания и умения преподносить в доступной для детских сил и интересов форме и только тогда, когда дети способны будут воспринять предлагаемые им знания и умения: одни на третьем-четвёртом году жизни, другие — на пятом-шестом году...

Таким образом, Коменский предвосхитил выводы, вытекающие из дальнейшего развития научного понимания возрастных особенностей детей, которое, впрочем, возникло не раньше второй половины XVIII в.

Настаивая на доступности и посильности для детей знаний и умений, Коменский в «Материнской школе» осуществляет один из важнейших принципов своей «Великой дидактики» — принцип лёгкости и занимательности для детей процесса обучения.

Коменский правильно установил тот взгляд на ребёнка, по которому в нём одновременно вызревают и физические, и интеллектуальные, и моральные силы, и знания, и умения, и навыки.

Поэтому Коменский настаивает на всестороннем развитии детей, начиная с преддошкольного и дошкольного периода их жизни. И, защищая принципы лёгкости, занимательности процесса воспитания и обучения, Коменский не останавливается перед заполнением процесса воспитания самым серьёзным содержанием, вплоть до элементов «мудрости», понятно, в доступных для детей пределах и формах.

Если родители «научают своих детей есть, пить, ходить, говорить, украшаться одеждами», рассуждает Коменский, то тем более они должны позаботиться о передаче детям «мудрости». В понятие «мудрость» Коменский вкладывает главным образом «умение осторожно и разумно управлять самим собой и всеми внешними и внутренними своими действиями», чтобы, выросши, дети могли мудро управлять своими делами и обязанностями и проводить настоящую жизнь «честно и разумно».

Таким образом, Коменский предоставляет право и даже вменяет родителям в обязанность готовить детей уже с дошкольного возраста к разумному, честному исполнению общественного долга, к воспитанию честных, правдивых защитников и проводников в жизнь лучших принципов морали.

Признавая за родителями и воспитателями право руководить детьми и воспитывать их в том направлении, которое наиболее понятно и необходимо для взрослых, Коменский ограничивает эти права родителей и взрослых в двух направлениях.

Во-первых, он предостерегает родителей против

неумеренных требований к детям, а тем более против излишних строгостей и суровости в обращении с детьми. А во-вторых, Коменский неоднократно осуждает и попустительство со стороны родителей и взрослых, злоупотребляющих снисходительностью к слабостям детских сил.

*

* *

Центральной частью «Материнской школы» Коменского является четвёртая глава. Здесь Коменский набрасывает программу воспитательной работы с детьми дошкольного возраста, чтобы в последующих главах раскрыть, как нужно осуществлять эту программу. С первого взгляда эта программа покажется весьма широкой и едва ли осуществимой. Однако, вдумавшись в неё, современный читатель должен понять её целесообразность и систематичность: нравственные достоинства человека, знания и умения — вот два крупных раздела этой программы.

В вопросах морального или нравственного воспитания Коменский в «Материнской школе» меньше зависит от Платона, чем в «Великой дидактике». В «Великой дидактике» Коменский формулирует проблему нравственного воспитания буквально в терминах Платона: мудрость, мужество, умеренность и справедливость. Здесь же, в «Материнской школе», Коменский сразу даёт перечень тринадцати пунктов нравственного воспитания. На первом месте стоят два пункта, касающиеся, так сказать, морали по отношению к физическому здоровью детей, обозначаемые Коменским умеренностью и опрятностью. В последнее качество, вопреки средневековым, аскетическим религиозным традициям, Коменский вносит заботу не только об одежде, но и «полечение о теле».

В остальных 11 пунктах Коменский формулирует ряд требований по отношению к другим людям и, что замечательно, несколько пунктов требований по отношению к самому себе. По отношению к другим людям Коменский требует развивать в детях почтительность к старшим, предупредительность, правдивость в речах, справедливость в действиях по отношению к имуществу,

щедрость, деликатность (гуманность) в виде готовности оказывать услуги старшим, изяществѡ манер.

В моральные качества по отношению к себе нужно включить такие требования Коменского, как привычка к труду, способность молчать, где это необходимо, терпение или самообладание и умение, при уважении к другим людям, сохранять и чувство собственного достоинства.

Главнейшими средствами морального воспитания Коменский считает: пример, своевременные и разумные наставления, соединённые с упражнениями детей в осуществлении наставлений, и умеренную дисциплину. При этом, в духе своего времени, он не пренебрегает и наказаниями. Но среди наказаний Коменский рекомендует в первую очередь умеренно повышенный тон и увещания, чтобы ребёнок не допускал проступков. А в качестве второй меры наказания Коменский допускает и розгу, что является одной из отрицательных сторон его педагогической системы. В остальном же приёмы и способы воздействия на детей, выдвигаемые Коменским, нужно считать весьма разумными, обдуманными, применимыми до наших дней.

Заслуживает глубокого внимания забота Коменского о воспитании детей в труде. Причём Коменский имел в виду такой труд, который не превышает сил ребёнка, и соединяет его с играми детей.

В специальной VII главе, озаглавленной «Каким образом нужно приучать детей к деятельной жизни и постоянным занятиям», Коменский даёт довольно богатый перечень «механических навыков» уже для второго и третьего годов жизни ребёнка: «бегать, прыгать, различным образом повбращиваться, играть с чем-либо, зажигать, снова гасить, переливать воду, переносить что-либо с места на место, класть, поднимать, расстилать, ставить, бросать, свёртывать, развёртывать, сгибать, выпрямлять и пр.»; всё это, подчёркивает Коменский, нужно разрешать детям; больше того, при удобном случае показывать им. Четвёртый, пятый и шестой годы должны быть полны ручного труда и всяких строительных игр.

Давая перечень различных видов деятельности, к которым нужно приучать ребёнка до шести лет, Коменский намечает и элементы физического труда. К таким эле-

ментам он относит умения: «рубить, колоть, сечь, строить, располагать, связывать, развязывать, сваливать в кучу, разваливать». Понятно, всё это на посильном для детей материале и посильным инструментом.

*

* *

Особую обширную программу намечает Коменский, по общепринятой в то время терминологии, в области «свободных искусств». Но содержание «свободных искусств» раскрывается Коменским совершенно по-новому, чем то было принято в средние века.

В средневековых школах и во всей образованности в средние века царило полное невнимание к явлениям природы. А Коменский на первый план выдвигает те знания, которые мы обозначили бы термином «естествознание» в самом широком смысле слова. В естествознании Коменский выделяет знания четырёх видов: физики, оптики, астрономии и географии. Понятно, что во всех этих случаях Коменский предлагает ограничиваться в дошкольном возрасте чисто эмпирическими представлениями о предметах и явлениях природы, т. е. сделать их доступными внешним органам чувств детей, научить детей различать сходные предметы и явления природы и правильно называть эти предметы. Из оптики, например, он считает достаточным знать, что такое тьма и что такое свет, а также различать названия некоторых более употребительных цветов; из астрономии — умение различать солнце, луну, звёзды; из географии — знакомство с местностью, где ребёнок родился и живёт: деревня, город, крепость или замок, что такое поле, луг, лес, река, гора и т. п.

Нельзя не отметить глубоко серьёзную идею, заложенную Коменским в подведение этих знаний под научные названия — оптики, астрономии, географии и др. Коменский совершенно справедливо подсказывает родителям и воспитателям ту мысль, что в этих элементарных познаниях детей уже кроется материал для будущего их научного образования. Приобщая детей дошкольного возраста к этим знаниям, мы закладываем первые основы общего научного образования, и чем ближе воспитатели будут стоять к научному пониманию мира,

тем правильнее они поведут и мысль воспитываемых ими детей в научном направлении.

Известный химик конца XVIII в. Лавуазье развивал аналогичную мысль. Он доказывал, что игры и забавы детей, при поднятии ли доступных им тяжестей, при устройстве ли запруд для дождевой воды, непосредственно ведут детей к постижению законов механики твёрдых и жидких тел.

Группируя эмпирические знания детей об окружающем мире и обозначая их научными терминами: физика, оптика, астрономия, география, — Коменский подсказывает воспитателям идею уже в преддошкольном и дошкольном возрасте готовить детей к систематизации знаний. Понятно, что эта систематизация в осознанном виде является делом воспитателей. А для детей такая систематизация станет делом привычных сочетаний и группировок «родных и сходных предметов и явлений».

Для гуманитарных знаний детей дошкольного возраста Коменский выдвигает такие науки, как хронология, история, экономика, политика.

Под хронологией Коменский понимает преимущественно единицы для измерения времени: час, день, неделя, месяц, год, весна, лето, зима и пр.

Нужно заметить, что понятие времени, пожалуй, самое трудное для детей и не только дошкольного, но часто и школьного возраста. Мы знаем, как 5—6-летние дети путают понятия «вчера», «завтра». И можно серьёзно сомневаться, чтобы для детей дошкольного возраста оказались доступными представления о событиях, имевших место не только вчера, но и год, два, три тому назад, как этого хотел бы Коменский, когда он раскрывает содержание другого предмета — истории.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что Коменский, в числе других элементарных знаний для детей дошкольного возраста, выдвигает знания из экономики и политики.

*

* *

В «Материнской школе», как и в «Великой дидактике», Коменский стремится найти сущность образования, и в этих поисках он ставит задачу научить детей всему и притом основательно:

1. — Всё хорошо знать.
2. — Осуществлять в деятельности и
3. — Уметь передать другим свои знания в речи, устно, а на высших ступенях образования и письменно.

В этой идее Коменского заложено богатейшее содержание. Процесс обучения и образования у Коменского приобретает действенный, жизненный, практически важный характер. Образованным оказывается, по Коменскому, тот человек, который не только располагает знаниями, но и способен осуществлять свои знания в деятельности, т. е. направлять их на улучшение жизни. И это касается, по Коменскому, в одинаковой мере не только знания вещей и предметов, но и знания правил нравственного поведения в отношении к людям и к самому себе. Но и этого мало. Коменский ставит перед образованными людьми задачу уже в самом процессе образования учиться передавать свои знания и умения другим. Вот почему в качестве третьего составного звена хорошего образования Коменский ставит развитие речи учащихся.

Развивая свои мысли об обучении деятельности, Коменский устанавливает три вида деятельности. Один вид он относит к деятельности ума, другой — к деятельности языка, третий — к действию руки. К первому виду он относит такие традиционно установленные учебные предметы, как диалектика, т. е. искусство доказывать и спорить, арифметика, геометрия, музыка.

К диалектике Коменский относит такие умения, как понимание детьми того, что такое вопрос, что такое ответ, или умение отвечать на вопросы прямо, «а не так, чтобы на вопрос о чесноке, рассказывать о луке». Из области арифметики Коменский предлагает требовать от детей дошкольного возраста посильных для них умений: различать, что такое много, что такое мало, считать до двадцати или шестидесяти, понимать, что такое чётное или нечётное число, что будет больше — два или три, сколько будет три и один. А из геометрии Коменский предлагает учить детей дошкольного возраста различать короткое и длинное, узкое и широкое, тонкое и толстое.

Коменский разъясняет читателям, как в дошкольном возрасте у детей закладываются навыки речи и как попутно с этим, при хорошем воспитании, можно подготов-

лять их к освоению элементов грамматики, риторики и поэтики: умение правильно называть вещи, пользоваться образными выражениями, чувствовать ритм и рифму в речи. Вполне понятно, что все эти навыки усваиваются детьми не в виде отдельных учебных предметов, а в процессе живого общения воспитателей с детьми и детей друг с другом. Понятно также, что Коменский не настаивает на распределении материала этих навыков с полной точностью по годам или месяцам, как в школах. Такое распределение было бы непосильно для значительного количества родителей, невозможно в домашней обстановке и, пожалуй, не нужно по существу дела.

Для развития руки Коменский рекомендует заниматься с детьми дошкольного возраста рисованием и письмом. Понятно, что и тут он имеет в виду самые элементарные навыки в этом направлении: ставить точки, проводить линии, крючки, кресты, круги.

Весьма ценно, что Коменский в своих рассуждениях о методике занятий с детьми дошкольного возраста постоянно рекомендует естественный ход дела. Он предлагает исходить из обиходной жизни и достигать намеченной цели и намеченного содержания знаний и навыков в процессе естественных взаимоотношений родителей, воспитателей и нянь с детьми: во время игр, забав, бесед, наставлений...

Интересны указания Коменского о том, как развивать в детях экономические познания и навыки. Так, уже на четвёртом-пятом году он предлагает приучать детей к бережливости: различать одежды, предназначенные для будней и для праздников; к праздничным одеждам относиться более бережливо. Отсюда дети в этом возрасте поймут, для какой цели предназначены некоторые предметы домашней утвари: сундуки, шкафы, замки, ключи и т. п. В этих же целях развития хозяйственных познаний и навыков Коменский рекомендует подбирать соответствующие игрушки и игры с ними.

В процессе развития речи Коменский предлагает ставить вопросы для называния отдельных предметов и вещей и попутно требовать ясной и отчётливой речи. А постоянная речь с детьми взрослых, те же сказки, ритмические и рифмованные песенки при каждом удобном случае подготовят детей к пониманию впоследствии поэтического творчества.

Огромнейшей заслугой Коменского является понимание им деятельной, подвижной и отзывчивой природы детей, живо откликающихся и на призывы к деятельности и самодеятельности, охотно, с радостью исполняющих поручения взрослых, легко подражающих тому, что они наблюдают у взрослых в их поведении и отношении к людям.

Всеми своими советами и указаниями Коменский учит нас тонкому и правильному пониманию детей. Его методика воспитательной работы в дошкольном возрасте может быть названа жизненной и практически наиболее осуществимой. В этом отношении Коменский гораздо более близок и понятен нам, чем многие последующие мыслители.

Можно утверждать, что понятие естественности гораздо правильное и разностороннее использовано Коменским, чем последующими мыслителями. В это понятие Коменский вложил не только понимание особенностей детей преддошкольного и дошкольного возраста, хотя бы в самом общем виде, но и понимание семьи как части общей культурной жизни, роли матери, няни и окружающих ребёнка детей как проводников и передатчиков детям этой культурной жизни и её влияния на ребёнка. Коменский сумел показать нам, как в процессе даже обиходной жизни ребёнка, в семье в его общении со сверстниками создаются условия как благоприятные, так и противодействующие правильному развитию ребёнка. Коменский показал, что в этой же естественной обиходной жизни умный воспитатель и воспитательница найдут элементы и истоки для самых, казалось бы, отвлечённых наук, вроде диалектики, оптики, физики и т. п. Таким образом, Коменский протянул нить между обиходной жизнью и отвлечёнными науками.

Сосредоточив своё внимание на вопросах преддошкольного и дошкольного воспитания в семье, не раскрыв назревших гораздо позже общественных форм воспитания детей дошкольного возраста, Коменский в своих размышлениях, однако, не даёт оснований рассматривать воспитание в семье формой, проговорившейся в какой-либо степени воспитанию в общественных учреждениях. Наоборот, мы видим у Коменского отчётливое заявление о положительном значении и влиянии сверстников на детей. Заканчивая свои размышления о том, «как

разумно развивать в детях понимание вещей», Коменский пишет: «Прибавлю одно. Хотя няньки и родители во всём этом могли бы принести детям немало пользы, однако ещё более полезны тут детям сверстники, всё равно — рассказывает ли что-либо один другому или играет с ним. Одинаковый детский возраст, одинаковые успехи, нравы и привычки более способствуют взаимному развитию...

Итак, никто не будет сомневаться в том, что ребёнок развивает другого ребёнка более, чем это мог бы сделать кто-либо другой. И поэтому следует не только позволять, но даже принимать меры к тому, чтобы дети ежедневно посещали компании детей и вместе с ними играли на улицах или бегали» (гл. VI, §§ 12—13). В этой последней фразе, без преувеличения, можно видеть во всяком случае некоторое предвосхищение общественных форм воспитания детей дошкольного возраста.

Нравственность и наука — вот цели воспитания, выдвинутые Коменским. Казалось бы, при такой постановке целей воспитания нет места физическому воспитанию. И тем не менее, как бы подчиняясь идеям нового времени, Коменский вносит в свой трактат особую V главу «Каким образом должно развивать у детей здоровье и силу».

В своих размышлениях по вопросам физического воспитания в раннем детстве Коменский ведёт своих читателей на путь содействия радостному, бодрому, здоровому детству.

* *

Обсуждая вопрос: «Как долго следует держать детей в материнской школе», Коменский считает нецелесообразным передавать детей в школу ранее шестилетнего возраста. Во-первых, не без основания он полагает, что юный возраст требует больше забот, чем те, которые может дать ребёнку учитель, имеющий на своём попечении множество детей. Во-вторых, он считает, что на шестом году едва лишь заканчивается всё образование черепа и головного мозга, следовательно, небезопасно обременять мозг детей систематическим обучением раньше этого срока.

Однако задерживать ребёнка дома более шести лет, по мнению Коменского, также нецелесообразно. Остава-

ясь дома, ребёнок привыкнет к бесполезному досугу, а это может повести к тому, что не только задержит своевременное развитие, но и послужит условием для развития у детей вредных привычек, а то и пороков. «Однако,— продолжает Коменский свои мысли,— этого не следует понимать безусловно, как будто переход в школу непременно должен происходить только после исполнения шести лет. Сообразно со способностями ребёнка, этот срок можно или продолжить, или сократить на полгода или даже на целый год».

Коменский не ограничивается тут одними общими соображениями, а формулирует те признаки, которые дают основание для перевода ребёнка в школу:

«1. — Если ребёнок знает то, что ему следует знать в материнской школе.

2. — Если в нём будут замечены внимание и размышление по поводу предлагаемых вопросов и известная способность суждения.

3. — Если у него обнаружится, сверх того, некоторое стремление к более высокому образованию».

Первый из этих признаков носит, до некоторой степени, формальный характер, а два вторых можно считать достаточно надёжными и до настоящего времени. Как педагоги, так и психологи нашего времени считают одним из существенных условий для определения способности ребёнка к обучению в школе развитие у него устойчивого внимания. Понятно также, что таким условием нужно считать и интерес ребёнка к дальнейшему образованию, что сформулировал Коменский в своём третьем признаке.

Последнюю, XII главу Коменский посвящает обсуждению вопроса о том, «Каким образом родители должны готовить своих детей к школе».

И тут советы Коменского заслуживают полного внимания и распространения в наше время. В этих советах Коменский предлагает родителям не запугивать детей школой и учителями, а, наоборот, ободрять их и изображать перед детьми школу и учителей с самой положительной стороны. Они должны внушать детям любовь и доверие к будущим учителям, раскрывать перед детьми учёность, мудрость учителей и их доброту.

*

* *

В представленном очерке мы далеко не исчерпали всего богатого и разнообразного содержания «Материнской школы». Но и из изложенного должно быть ясно, что читатель найдёт в этом классическом труде развернутую систему преддошкольного и дошкольного воспитания. Ясно также, что эту систему Коменский рекомендует понимать как первую ступень образования подрастающих поколений, охватывающую элементы знаний и навыков, необходимых для дальнейшего образования.

Своей системой Коменский охватывает физическое, моральное, интеллектуальное развитие детей преддошкольного и школьного возраста вплоть до усвоения ими приёмов и навыков поведения в жизни.

Руководствуясь высокими целями и задачами в воспитательной работе, Коменский, однако, постоянно поучает родителей и воспитателей тому, как поставить это воспитание в соответствие с развивающимися, крепнущими физическими силами и природными задатками детей, не мешая им быть детьми и вести бодрую, радостную, детскую жизнь.

Он учит родителей и воспитателей пользоваться обычным опытом ребёнка и его общением со взрослыми, но вместе с тем он предлагает родителям и воспитателям глубоко понять, осмыслить этот опыт как материал, входящий в обучение детей.

Таким образом, Коменский показывает читателям, как уже в раннем детстве накапливаются данные для научных и практических познаний, которые представляют собой исключительную ценность и для последующих ступеней образования, вплоть до самой высшей. Ясно, что эта идея Коменского пробуждает в читателях уважение к детскому опыту и ко многому обязывает родителей и воспитателей. Чтобы понять смысл и значение детского опыта и связать его с научными познаниями и высшими моральными качествами поведения человека в обществе, от родителей и воспитателей требуется весьма серьёзное отношение к воспитанию детей в раннем детстве.

Сосредоточившись на воспитании детей в семье, Коменский не дал никаких указаний и соображений по вопросу об общественных формах массового воспитания

детей. Естественно поэтому, что у Коменского мы не находим ничего, что касается роли коллектива детей и методов руководства массовым воспитанием детей в общественных учреждениях. Как известно, эти вопросы по отношению к воспитанию детей дошкольного возраста практически поставлены были чуть ли не два века спустя после того, как написана была Коменским «Материнская школа». Но Коменский в немногих словах глубоко и серьёзно оценил общение детей друг с другом и плодотворное влияние этого общения.

Не выделил Коменский в особую главу вопрос о детских играх. Но в то же время он не отрицает игр детей в одиночку и со сверстниками. Великая заслуга Коменского в этом вопросе заключается в том, что он даёт конкретные указания, как ставить игры детей на службу подлинному образованию.

Коменский не выделил в особую главу и вопросов эстетического воспитания дошкольников. Тем не менее в «Материнской школе» мы находим немало, так сказать, попутных замечаний автора, настаивающего на изяществе манер, на благозвучной ритмической и рифмованной речи, на развитии музыкального чувства у детей. Собрав эти отдельные замечания и указания автора, мы получим довольно стройную систему и в этой области воспитания.

Коменский нередко указывает, что и на каком году можно от детей требовать в смысле знаний и навыков, но при этом не даёт физиологических и психологических оснований. И это понятно. В эпоху Коменского физиология как наука совсем не существовала, а в области психологии мыслители руководствовались главным образом силой интуиции. Психология же детского возраста как наука возникла по крайней мере на два века позже. Нужно отдать честь проницательности и наблюдательности Коменского, сумевшего в своё время всё же в общем правильно подчеркнуть значительное различие в силе и способности детей преддошкольного и дошкольного возраста, вплоть до серьёзных различий даже для каждого отдельного года дошкольника.

После Коменского вопросы дошкольного воспитания находили своё освещение в трудах выдающихся представителей педагогической мысли: Локка, Руссо, Песталотци, Оуэна, Фурье и др.

Нам неизвестно, в какой степени Коменский повлиял непосредственно на каждого из последующих представителей педагогической мысли в вопросах дошкольного воспитания. Однако уже большое количество изданий «Материнской школы» на различных языках в XVII в. свидетельствует, что «Материнская школа» Коменского находила для себя широкий круг читателей. И трудно допустить, чтобы она не была известна по крайней мере некоторым из выдающихся мыслителей в этой области.

В трудах Маркса и Энгельса мы находим строго научное освещение и описание положения детей в капиталистическом обществе, в особенности детей пролетариата. В книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» представлен в этом отношении обильный и исключительно ценный материал. Наша партия и правительство с момента прихода к власти проявили и проявляют исключительный интерес, внимание и заботу о развитии сети преддошкольных и дошкольных общественных учреждений. Известно, что ни в одной стране мира нет такой сети преддошкольных и дошкольных учреждений, как в нашей стране. За тридцать лет существования советской власти у нас создан мощный коллектив воспитателей и сотрудников этих учреждений.

За годы существования советской власти у нас уже оформилась своя система воспитательной работы в детских садах и накопилась значительная литература по вопросам дошкольного воспитания¹. И мы уверены, что в среде воспитательниц в детских садах и родителей «Материнская школа» Я. А. Коменского найдёт своих серьёзных читателей и ценителей, способных отбросить устаревшие взгляды Коменского и воспринять то, что не потеряло своего значения и до наших дней.

*

* *

Надеждам Коменского на скорое восстановление самостоятельности Чехии долго не суждено было сбыться.

¹ Показателем этой системы является: опубликованное Народным комиссариатом просвещения РСФСР «Руководство для воспитателя детского сада. Устав детского сада». Учпедгиз, 1945, 168 стр., ц. 3 руб; издание учебных пособий «Дошкольная педагогика» под ред. Флёринной, «Дошкольная педагогика» Леушиной, Сорокиной и Усовой, Учпедгиз, 1947, «Дошкольное воспитание» Левин-Щириной и Менджеричкой и др.

И первые издания «Материнской школы» появились не на родном языке Коменского, а на других языках: два издания на немецком в 1633 г. в Лешню, в 1634 г. в Лейпциге; одно в 1636 г. на польском языке в Торне; одно в 1641 г. на английском языке в Лондоне; наконец, в 1657 г. на латинском языке в амстердамском издании собрания педагогических сочинений Коменского. Следовательно, «Материнская школа» имела необычайный меж-

Виньетка, заменяющая эниграф к педагогическим сочинениям Я. А. Коменского.

дународный успех. Новый интерес к «Материнской школе» возникает со второй половины XIX в., очевидно в связи с развитием практики общественных форм дошкольного воспитания. В 1858 г. «Материнская школа» появилась на родном для Коменского чешском языке. С тех пор на протяжении XIX в. эта книга выдержала многочисленные издания как на чешском языке, так и в переводах с латинского языка.

В нашем отечестве на русском языке эта книга Коменского выдержала уже четыре издания.

Есть основания предполагать, что передовые педагоги и общественные деятели нашей страны в лице

М. В. Ломоносова, В. Г. Белинского, Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского и др. знали «Материнскую школу» великого славянского педагога. Но реакционная политика самодержавного правительства препятствовала распространению у нас передовых педагогических идей, упорно мешала опубликованию этого произведения.

И только с ростом революционного движения в нашей стране, в конце XIX в., появились первые издания «Материнской школы» на русском языке.

В настоящем издании я вновь пересмотрел перевод Д. Н. Королькова и внёс в него некоторые исправления, преимущественно литературно-стилистического порядка, значительно расширил и пополнил примечания.

Проф. А. А. Красновский

МАТЕРИНСКАЯ ШКОЛА

ИЛИ

О ЗАБОТЛИВОМ ВОСПИТАНИИ ЮНОШЕСТВА В ПЕРВЫЕ ШЕСТЬ ЛЕТ¹

*Основа всего государства состоит
в правильном воспитании юношества*
(Цицерон)

Благочестивым христианским родителям, опекунам, наконец, всем, на кого падает какая-либо часть попечения о детях, привет!

После того как я решил напомнить всем вам, возлюбленные, о вашей обязанности, представляется необходимым предпослать три следующих положения.

I. Какие драгоценные сокровища дарует бог тем, кому он вверяет залог к жизни.

II. С какою целью он даёт это. И к каким целям нужно направлять корабль воспитания.

III. Юношество до такой степени нуждается в хорошем воспитании, что, лишившись его, должно было бы погибнуть.

Выставив эти три положения, я приступаю к своему начинанию.

Под твоим руководством, Отец, от которого именуется всякое рождение на земле и на небе, я по порядку изложу нужное вам искусство воспитания в применении к первому нежному возрасту.

Обложка амстердамского издания (1657) педагогических сочинений Я. А. Коменского.

ТАК КАК ДЕТИ ЯВЛЯЮТСЯ ДРАГОЦЕННЕЙШИМ ДАРОМ БОЖИИМ И НИ С ЧЕМ НЕ СРАВНИМЫМ СОКРОВИЩЕМ, ТО К НИМ НУЖНО ОТНОСИТЬСЯ С ВЕЛИЧАЙШЕЙ ЗАБОТЛИВОСТЬЮ?

1. — Что дети бесценное сокровище, об этом свидетельствует дух божий устами Давида (Псал., 126, 3, 5) так: «Вот наследие господа — сыновья, и плод чрева есть дар; как стрелы в руке, так юные сыновья». Ты слышишь, какими счастливыми называет он тех, кому бог дарует детей?

2. — Это видно и из того, что, желая засвидетельствовать свою высшую любовь к нам, бог называет нас «сыновьями», как будто не зная более славного имени.

3. — Чрезвычайно сильно восстаёт он против обычая приносить детей в жертву Молоху (Левит, 20, 2, Черем., 32, 35). Заслуживает величайшего внимания, что даже о детях идолопоклонников бог говорит, что они рождены ему (Иезек., 23, 27), давая этим понять, что дети рождаются не для нас, но для самого бога и что к ним, как к детям божиим, нужно относиться с величайшей заботливостью.

4. — Поэтому у пророка Малахии дети называются «семенем божиим» (Малах., 2, 17), откуда возникает потомство бога (Деян., 17, 29).

5. — По этой причине вечный сын божий, явившийся во плоти, не только пожелал воспринять на себя природу детей, но и считал за величайшее удовольствие и наслаждение принимать детей в свои объятия как любимых маленьких братьев и сестёр, ласкать их, целовать и благословлять (Марк, 10, 16).

6. — И не только это. Он с угрозой воспрещал служить для детей хотя бы малейшим соблазном и повелевал их блюсти, как самого себя, предсказывал горе

тому, кто соблазнит одного из малых сих (Матф., 18 5—5).

7. — Если бы кто-либо пожелал основательно обсудить, почему бог так любит маленьких детей и так строго предписывает нам попечение о них, тот найдёт для этого много причин. Во-первых, если тебе теперь дети представляются не заслуживающими внимания, то смотри не на то, каковы они теперь, а на то, каковы они должны быть по начертанию божью. Ты увидишь в них не только происшедших от нас обитателей мира и благодетелей вселенной, заместников бога среди творений, но и наравне с нами соучастников Христу, царских жрецов, избранный народ, спутников ангелов, судей дьяволов, утешение небес, ужас ада, наследников небес во все века веков. Что можно придумать более возвышенного?

8. — Блаженной памяти Филипп Меланхтон, войдя некогда в тривиальную³ школу (*triviale[m] scholam*) и взглянув на толпу учеников, обратился к ним с такой речью:

«Приветствую вас, почтенные господа пасторы, доктора, лиценциаты, суперинтенденты⁴. Привет вам, знаменитейшие, мудрейшие, славнейшие, учёнейшие господа консулы, преторы, судьи, префекты, канцлеры, секретари, магистры, профессора» и пр. Когда некоторые из присутствующих встретили это смехом, он отвечал: «Я не шучу, а говорю серьёзно. Ведь я вижу детей не такими, какие они теперь, но имею в виду ту цель, для которой нам дают их на воспитание (*formandi*), и я уверен, что из их числа выйдет несколько таких мужей, хотя среди них, быть может, примешано и несколько высевок и мякины». Смело сказал этот мудрейший муж! Так почему нам с равной уверенностью не провозгласить обо всех детях христиан те славные слова, которые только что были сказаны, если истолкователь вечных тайн божиих, Христос, предвозвестил нам, что таковых есть царствие божие (Марк, 10, 14).

9. — Но если бы мы поразмыслили даже над настоящим положением, то и то очевидно, почему дети, неоценённое благо (в глазах бога), должны быть такими и для родителей. Прежде всего потому, что они являются ещё неосквернённым, а следовательно, и невинным образом Божиим (Иона, 4, 11). Ибо, за исключением одного только первородного греха, они ещё пока не осквернились никаким преступным делом, не умея различать добра от зла, правой руки от левой. Что бог обращает внимание на это, достаточно видно из известных слов к Ионе и из других мест.

10. — Во-вторых, они суть чистейшее, дорого купленное владение Христа, так как Христос, который пришёл спасти то, что прежде погибло, называется Спасителем всех, кроме тех, кто за своё неверие и нераскаянность исключает себя от участия в этой заслуге. Итак, за детьми, которые ещё не отрицают Христа, остаётся право на приобретение спасения, им принадлежит и царство небесное. Они суть те из людей, которые куплены, чтобы быть первенцами богу и Агнцу, не осквернившись с женщинами (г. е. не запятнанные греховными пожеланиями), но следуют они за Агнцем, куда бы он ни пошёл (Апок., 14,4), а чтобы они постоянно следовали за ним, ими нужно руководить посредством святого воспитания.

11. — Наконец, бог обнимает детей с величайшей любовью потому, что они, по свидетельству Писания (Псал., 8, 3), являются особенным орудием божественной славы: «Из уст младенцев и грудных детей ты совершил хвалу ради врагов твоих, чтобы разрушить врага и мстителя». Каким образом через детей возрастает слава божия, — это мы недостаточно постигаем нашим разумом; бог, исследователь всего, знает это и понимает.

12. — Что для родителей дети должны быть милее и дороже, чем золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, — это можно заключить из взаимного сравнения

тех или других даров божиих. Именно: Во-первых, золото, серебро и другие такого рода предметы суть вещи неодушевлённые и не что иное, как попираемый ногами прах, лишь немного более обработанный и очищенный, а дети — живые образы живого бога.

13. — Во-вторых, золото и серебро суть вещи внешние, произведённые одним словом повеления божия, а дети — это то создание, о творении которого святейшая троица образовала особый совет и которую создал бог своими перстами.

14. — В-третьих, золото и серебро — вещи ненадёжные и скоро проходящие, а дети — бессмертное наследие. Ибо хотя многие из детей умирают, однако они не обращаются в ничто и не погибают, а только переходят из смертной оболочки в бессмертное царство. Поэтому бог возвратил Иову всё его богатство и всё, что он имел, вдвойне по сравнению с тем, что отнял у него прежде; лишь детей он дал столько, сколько он имел раньше (именно семь сыновей и три дочери); однако и это также было вдвойне, так как первые не погибли, но были ранее направлены к богу.

15. — В-четвёртых, золото и серебро происходят из земного праха, дети — из самой нашей сущности. Следовательно, они часть нашей сущности, и их следует нам любить не меньше, чем самих себя. Поэтому в природу всех животных бог вложил такую любовь к своим детям, что иногда за их спасение они готовы пожертвовать своею собственною жизнью. Если кто-либо такую любовь перенёс бы на золото и серебро, то на суде самого бога был бы осуждён за идолопоклонство.

16. — В-пятых, золото и серебро переходят от одного к другому, как бы не принадлежа никому, а являясь общим всем, а дети, по божеской воле, являются для родителей таким неотъемлемым достоянием, что нет никого в мире, кто мог бы лишить кого-либо этого

права, отнять у него это достояние. Ведь это владение исходит с небес и является неотъемлемым наследством.

17. — В-шестых, хотя золото и серебро — также дары божии, однако такие дары, которым бог с небес не обещал охраны ангелов; мало того, большею частью сюда вмешивается сатана, чтобы этими средствами, точно петлями и силками, воспользоваться для уловления неосторожных, увлекая их, точно цепями, к алчности, гордости и расточительности. А забота о малых детях, по свидетельству самого господя (Матф., 18, 10), всегда вверяется ангельскому попечению. Итак, у кого в доме есть дети, тот может быть уверен, что в его доме присутствуют ангелы; всякий, кто обнимает руками маленьких детей, пусть не сомневается, что обнимает ангелов. Всякий, кто покоится окружённый ночной темнотой с ребёнком, может питать твёрдую надежду, что он вместе с детьми охраняется ангелами, чтобы не имел доступа дух тьмы. Как это значительно!

18. — В-седьмых, серебро, золото и всё внешнее не привлекает к нам любви божией и не защищает нас от божьего гнева, как дети. Ибо, любя детей, бог из-за них иногда щадит родителей, как показывает пример иinneвитян. Так как там было много детей, то бог пощадил самих родителей, чтобы они не были поглощены землёй (Иона, 4, 11).

19. — В-восьмых, человеческая жизнь, по словам господя (Лука, 12, 15), состоит не в изобилии средств, так как если бог отнимает своё благословение, то пища не питает, лекарство не излечивает, одежда не греет (Второз., 8, 21, Премудр., 16, 12 и 26), но с детьми и из-за них всегда бывает благословение, так что не бывает недостатка для их пропитания. Ибо если бог дарует пищу детям воронов, просящих у него, то каким образом он не имел бы попечения о детях людей, о своём образе? Итак, разумно сказал д-р Лютер: «Не мы питаем наших детей, а они нас, потому что

из-за них, невинных, бог посылает нам необходимсе, а мы, старые грешники, разделяем с ними трапезу».

20. — Наконец, серебро, золото, драгоценные камни не могут научить нас ничему иному, чему учат другие творения, а именно — божественной мудрости, могуществу, благодати. А дети нам даются как зеркало скромности, приветливости, доброты, согласия и других христианских добродетелей, так как сам господь изрекает: «Если вы не обратитесь и не станете, как дети, то не войдёте в царство небесное» (Матф., 18, 3). Итак, если бог хочет, чтобы этих детей мы имели учителями, то, по справедливости, мы полагаем, что мы должны о них заботиться.

Глава II

ДЛЯ КАКИХ ЦЕЛЕЙ БОГ ДАЁТ ДЕТЕЙ И К ЧЕМУ СЛЕДУЕТ СТРЕМИТЬСЯ ПРИ ИХ ВОСПИТАНИИ

1. — Если бы кому-либо пришло на мысль, почему божественному могуществу не угодно было сразу создать эти небесные жемчужины в определённом числе, сколько их оно пожелало иметь в вечность как ангелов, — тот не найдёт иной причины, что бог так высоко ставит людей, что делает их как бы своими помощниками в размножении творений. Но не для того чтобы в этом люди получали только наслаждение, но чтобы прилагали старание к правильному их воспитанию, т. е. направляли их к вечности.

2. — Люди приучают вола к пахоте, собаку к охоте, коня к верховой езде и к перевозке тяжестей, потому что они созданы для таких целей и их нельзя приспособить для других целей. Человек — более высокое создание, чем все эти животные, — должен быть приведён к самым высоким целям, чтобы своими добродетелями как можно более соответствовать богу, образ которого он носит. Тело, конечно, как взятое из земли, есть земля, принадлежит земле и снова должно обратиться

в землю. А душа, которую вдохнул бог, — от бога, должна остаться в боге, подняться к богу.

3. — Поэтому родители недостаточно исполняют свой долг, если научают своих детей есть, пить, ходить, говорить, украшаться одеждой, ибо всё это служит только для тела, которое не есть человек, а служит хижиной для человека. Хозяин этой хижины (разумная душа) обитает внутри; о нём и следует заботиться больше, чем о внешней этой оболочке. Следовательно, умно осмеял Плутарх тех родителей, которые желают своим детям красоты, богатства, почестей и направляют детей к этим внешним благам, совершенно не заботясь об украшении (их) души добродетелями и благочестием. О таких родителях он сказал, что они держат сапог в большем почёте, чем ногу. И фиванский языческий философ Кратес сильно жалуется на безумие таких родителей в следующих выражениях, передаваемых поэтом: «Если бы мне (сказал он) позволено было кричать в различных местах, я назвал бы безумными всех вас, порочных людей, которых чрезмерно увлекает злополучное богатство. Вы собираете детям богатства, а сердце их не питаете никаким учением и не согреваете искусством».

4. — Итак, преимущественное попечение должно иметь о душе, как о главной части человека, чтобы она могла выйти из тела как можно лучше украшенной. А о теле нужно заботиться для того, чтобы оно стало жилищем, пригодным и достойным бессмертной души. Правильно же развитым умом следует считать тот ум, который действительно освещён блеском божественной мудрости, чтобы человек, признавая в самом себе величие божественного образа, охранял и соблюдал в себе это превосходство.

5. — Есть две страны истинной небесной мудрости (к которой человек должен стремиться и которую у него должно развивать). Первая — ясное, истинное

познание бога и всех его чудных дел. Вторая — уменне осторожно и разумно управлять самим собой и всеми внешними и внутренними своими действиями, касающимися настоящей и будущей жизни.

6. — Прежде всего, конечно, по отношению к будущей жизни, так как это — жизнь в собственном смысле: для неё нет ни смерти, ни смертности; тогда как настоящая жизнь есть не столько жизнь, сколько путь к жизни. Поэтому кто в этой жизни достиг того, чтобы верою и благочестием подготовить себя к будущей жизни, о том следует думать, что он здесь сделал совершенно достаточно.

7. — Тем не менее, так как бог, даруя весьма многим долголетие, заставляет со всем сталкиваться, встречаться с различными случайностями и даёт добрые возможности мудро поступать, то вообще родителям нужно заботиться о том, чтобы, кроме упражнения в вере и благочестии, давать своим детям возможность приобретать изящные культурные навыки и обучаться свободным искусствам и всему, необходимому для жизни. Благодаря этому, наконец, дети могли бы, выросши, стать мужами, мудро управлять своими делами, и к каким бы обязанностям жизни — церковным или политическим — бог их ни всхотел призвать, — выполнять их, и, таким образом, проведя настоящую жизнь честно и разумно, с большой радостью переселиться на небеса.

8. — Словом, должна быть твёрдо установлена тройкая цель воспитания юношества: 1) Вера и благочестие. 2) Добрые нравы. 3) Знание языков и наук. И всё это в том самом порядке, в котором предлагается здесь, а не наоборот. Прежде всего нужно приучать детей к благочестию, затем — к добрым нравам или добродетелям, наконец — к более полезным наукам. Чем более, однако, они могут сделать успеха в этом последнем, тем лучше.

9. — У кого в своём доме дети предаются этим

трём упражнениям, у того — рай, где сеются, орзаются, зеленеют и цветут небесные растения; у того — храм святого духа, в котором он создаёт и совершенствует сосуды милосердия, орудия славы, чтобы в них, как в живом образе бога, всё более и более блистали лучи его могущества, мудрости и благодати; как счастливы в таком раю родители!

Глава III

ЮНОШЕСТВО НЕИЗБЕЖНО НУЖДАЕТСЯ В ВОСПИТАНИИ И В ПРАВИЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ

1. — Однако никто не должен думать, что юношество само по себе и без усиленного труда может быть воспитано (в благочестии, добродетелях и в науках). Если прививок, из которого должно вырасти дерево, требует, чтобы его привили, посадили, поливали, обнесли изгородью и дали ему подпорки; если материал для деревянной статуи необходимо срубить, расколоть, обскоблить, вырезать, отполировать и окрасить в различные цвета; если коня, быка, осла, мула нужно приучить к тому, чтобы они могли служить человеку; мало того, если сам человек нуждается в упражнениях, чтобы привыкнуть к еде, питью, беганию, разговору, к хватанию рукой, к работе, — каким же образом, спрашивая, кому-нибудь само собою может достаться обладание более высокими и более удалёнными от внешних чувств качествами веры, добродетели мудрости и знания? Как это показано в VI главе «Дидактики», это совершенно невозможно⁵.

2. — Именно поэтому бог возложил на родителей обязанность с величайшей старательностью внедрять в самый нежный ум и искусно внушать ему относящееся к познанию бога и страху божию и говорить об этом детям, дома ли они, или гуляют по дороге, ложатся спать или встают (Второз., 6, 7).

3. — Также и Соломон вместе с Иисусом, сыном Си-раха, везде в своих книгах напоминают о том, чтобы юношество получало наставление в мудрости и не так быстро освобождалось от наставлений. Усмотрев необходимость того же самого, Давид, будучи уже царём, не стыдился представить себя в качестве учителя и воспитателя юношества. «Приступите, дети, — говорит он, — выслушайте меня, страху божию научу вас» (Псал., 65, 16); а апостол Павел увещевает родителей воспитывать своих детей в учении и наказании господнем (Ефес., 6,4).

4. — Но так как часто родители или не способны воспитывать детей, или вследствие занятия служебными или семейными делами не имеют времени на это, а другие даже относятся к этому с пренебрежением, то, по мудрому и спасительному решению, издревле было установлено, чтобы в каждом государстве образование юношества, вместе с правом наказания, поручалось мужам мудрым, благочестивым и почтенным.

5. — Их зовут педагогами, магистрами, наставниками и учителями, а места, назначенные для таких занятий, коллегиями, гимназиями, школами⁶ (т. е. местами отдыха или литературных развлечений); этим названием указывается на то, что дело обучения и учения само по себе и по своей природе приятно и сладко и представляет собой чистую игру и забаву для духа.

6. — Однако в последующие времена обучение отклонилось безмерно далеко от первоначального своего приятного характера, так что школы стали для молодёжи не местом игры и наслаждения, на что указывало их название, а местом тяжёлой работы и мучения, особенно в некоторых случаях, когда юношество вверялось людям глупым, совершенно чуждым благочестия и мудрости божией, от безделья ослабевшим, низким, подавшим самый дурной пример, продававшим себя за деньги в качестве учителей и наставников. Они учили

юношество не вере, благочестию и добрым нравам, но суеверию, нечестию и дурной нравственности. Будучи совершенно незнакомы с настоящим методом и желая всё вдолбить силою, они страшно мучили учеников. Об этом напоминают известные старые пословицы: «Очевидно, что он на спине вынес жестокую порку», «часто его пороли», — так как иное обучение без свирепых розг и жестоких побоев было неизвестно.

7. — Хотя наши предшественники вместе с церковной реформой кое-что из этого исправили, однако бог нечто сохранил и до нашего времени, чтобы к своей славе и нашему утешению исправить это более лёгким, сжатым, основательным преподаванием. Об этом см. главу XII нашей «Дидактики»⁷.

8. — Теперь с божиею помощью мы приступаем к изложению формы, или идеи, этого воспитания, подлежащего применению преимущественно в первое шестилетие жизни в материнской школе.

Глава IV⁸

В КАКИХ ЗАНЯТИЯХ ПОСТЕПЕННО ДОЛЖНЫ УПРАЖНЯТЬСЯ ДЕТИ С САМОГО РОЖДЕНИЯ, ЧТОБЫ НА ШЕСТОМ ГОДУ СВОЕЙ ЖИЗНИ ОНИ ОКАЗАЛИСЬ УСВОИВШИМИ ЭТИ УПРАЖНЕНИЯ

1. — Кто не знает того, что сучья многолетнего дерева сохраняют то самое взаимное расположение друг к другу, по которому они должны были образовываться с самого возникновения. Ведь иначе не могло и быть. Кто мог бы надеяться, что у животного также разовьются когда-либо впоследствии все его члены, если оно не получило зародыша их в начале своего формирования, кто мог бы исправить какое-либо животное, если оно появится на свет хромым, слепым, неполным или увечным? Следовательно, и человек в начале образования тела и

души должен быть создан таким, каким он должен быть в течение всей жизни.

2. — Правда, богу было бы легко обратить закоренелого порочного человека в честного и сделать иным. Однако по природе обыкновенно бывает так, что каким что-либо стало образовываться с самого начала, таким останется до конца и в старости приносит те же самые плоды, семена которых получило в молодости. С этим согласна и известная поговорка: «Занятия молодости — наслаждение старости».

3. — Поэтому родители не должны откладывать воспитание до обучения своих детей учителями и служителями церкви (так как невозможно уже выросшее кривое дерево сделать прямым и лес, повсюду усеянный терновыми кустами, превратить в огород). Они сами должны изучить способы обращения со своими сокровищами, согласно с их ценностью, чтобы под их собственным руководством дети начинали возрастать в мудрости и любви у бога и людей.

4. — И так как мы сказали, что всякий, кто хочет жить на пользу богу и людям, должен быть воспитан в благочестии, добрых нравах и полезных науках, то основы этих трёх условий родители должны закладывать в первом возрасте детей. Насколько это должно развиваться в этом первом шестилетии, нужно показать в отдельности.

5. — Истинное и спасительное благочестие состоит в следующих трёх требованиях:

I. — Наше сердце, будучи всегда и везде обращено к богу, должно искать его во всех делах.

II. — Идя по стопам божественного провидения, оно всегда и везде должно относиться к богу со страхом, любовью и послушанием.

III. — Поэтому, всегда и везде помня о боге, обращаясь к богу и соединяясь с богом, оно должно наслаждаться миром, радостью и утешениями.

6. — Это есть истинное благочестие, приносящее человеку рай божественного наслаждения; его основы можно внедрить ребёнку в пределах шести лет настолько, чтобы он знал: (1) что бог существует, (2) везде присутствуя, взирает на всех нас; (3) тем, кто за ним следует, дарует пищу, питьё, одежду и всё; (4) людей строптивых и безнравственных наказывает смертью; (5) его следует бояться и всегда призывать и любить как отца; (6) нужно исполнять всё то, что он повелевает; (7) если мы будем добрыми и честными, он примет нас на небо и пр. В этих пределах, говорю я, ребёнка к шести годам жизни должно довести в благочестивых упражнениях.

7. — А что касается нравов и добрых качеств, то дети должны отличаться следующими:

(1) Умеренностию; их нужно научить есть и пить подобно с требованьем природы; не объедаться и не переполняться пищей и питьём сверх необходимости.

(2) Опрятностию, чтобы они научились соблюдать приличие при еде, в одежде и в попечении о теле.

(3) Почтительностию к старшим, чтобы они научились относиться с уважением к их действиям, словам и взглядам.

(4) Предупредительностию, чтобы они по знаку и слову старших готовы были немедленно выполнить всё.

(5) Крайне необходимо, чтобы они научились говорить правду, чтобы все их речи были, по учению Христа: что есть — то есть, чего нет — того нет. Пусть же никогда не приучают их лгать и говорить не то, что есть, серьёзно или в шутку.

(6) Также нужно приучать их к справедливости, чтобы они не касались ничего чужого, не трогали, не брали тайно, не прятали и не причиняли кому-либо вреда.

(7) Нужно также внушать им благотворитель-

ность; быть приятными для других, чтобы они были щедрыми, а не скупыми и не завистливыми.

(8) Чрезвычайно полезно приучать их к труду, чтобы они привыкли избегать ленивого досуга.

(9) Их нужно приучать не только говорить, но и молчать, где это необходимо: во время молитвы, или когда говорят другие.

(10) Нужно приучать их к терпению, чтобы они не думали, что всё должно являться к ним по их мановению⁹; с раннего возраста постепенно они должны приучаться обуздывать страсти.

(11) Так как деликатность (гуманность) и готовность служить старшим является особенным украшением юношества, то будет уместным, чтобы и к этому также приучались они с детства.

(12) Пусть они научатся также тому, что развивает изящество манер, чтобы к каждому проявлять деликатность, уметь приветствовать, подавать руку, наклонять колено, благодарить за одолжение и пр.

(13) А чтобы здесь не оказалось некоторого легкомыслия или грубости, они должны вместе с тем приучаться держать себя с достоинством, во всём вести себя сдержанно и скромно. Обладая такими качествами, мальчик легко, по примеру Христа, приобретёт себе расположение у бога и у людей.

8. — Что касается свободных искусств, то они делятся на три разряда. Ведь мы учимся одно — знать, другое — делать, третье — говорить, или лучше — всему (знать, действовать, говорить¹⁰), кроме дурного.

9. — В первые шесть лет ребёнок начнёт познавать следующее:

(1) Относительно природных явлений в том, что касается физики¹¹, он узнает названия стихий: огня, воздуха, воды, земли и научится называть дождь, снег, свинец, лёд, железо и пр. К этому он присоединит названия

деревьев и некоторых, более известных и более часто встречающихся трав и цветов: фиалки, карнофиллы, розы; также различия животных: что такое птица, животное, конь, корова и пр.; наконец, как называются внешние части тела, для какой цели они предназначены: уши — чтобы слушать, ноги — чтобы бегать и пр.

(2) Из оптики им будет достаточно знать, что такое тьма, что такое свет и различия некоторых более употребительных цветов, а также их названия.

(3) В астрономии — различать солнце, луну и звёзды.

(4) В географии — место, где он родился и где он живёт: деревню, город, крепость или замок. Что такое поле, что такое гора, луг, лес, река и пр.

(5) Ребёнок схватит первые линии хронологии, если узнает, что такое час, день, неделя, месяц, год, что такое весна, лето и пр.

(6) Началом истории будет, если он может запомнить, что произошло вчера, сегодня, в прошлом году, два или три года назад; правда, это было бы по-детски, и воспоминание об этом было бы слабым и как бы туманным¹².

(7) Из экономики (хозяйства) ребёнок должен узнать, кто относится к составу семьи и кто нет¹³.

(8) Из политики — узнать какого-либо в государстве консула (бюргермейстера), сенатора (члена совета) или судью (фогта); равным образом узнать о том, что граждане иногда собираются на совещания и пр.

10. — Что касается деятельности, то некоторые относятся к действию искусства, касаются ума и языка, например — диалектика, арифметика, геометрия, музыка; некоторые — к действию руки, например ручные труды и физические упражнения.

(1) Начала диалектики в первые шесть лет могут быть усвоены лишь настолько, чтобы ребёнок

понимал, что такое вопрос, что такое ответ, и научился на предложенный вопрос отвечать прямо, а не так, чтобы на вопрос о чесноке рассказывал о луке.

(2) Основами арифметики будет, если ребёнок будет знать, что такое много или что такое мало, и будет уметь считать до 20 или до 60 и будет понимать, что такое число чётное или нечётное, а также, что 3 более 2 ; 3 и $1 = 4$ и пр.

(3) Из геометрии он узнает, что значит малое или большое, короткое или длинное, узкое или широкое, тонкое или толстое. Также, что называется четверть, локоть, сажень.

(4) Музыкальные умения детей будут состоять в том, чтобы спеть на память какой-нибудь стишок из псалмов или гимнов.

(5) Началом какого-либо ремесла или труда будет, если дети научатся тому, что им так свойственно: рубить, колоть, сечь, строить, располагать, связывать, развязывать, сваливать в кучу, разваливать.

11. — Что касается языка, то он развивается грамматикой, риторикой и поэтикой.

(1) Грамматика для первых шести лет будет состоять в том, чтобы ребёнок мог назвать столько вещей, сколько их знает, хотя бы он мог выразить это пока и с ошибками, но ясно и отчётливо, чтобы его можно было понять.

(2) Риторика детей будет состоять в том, чтобы пользоваться естественными жестами, а также в том, чтобы подражать тропам и фигурам¹⁴, которые они слышат.

(3) Начало поэтики будет заключаться в том, чтобы заучить наизусть несколько стишков или рифм.

12. — Далее, нужно обратить внимание на то, как в отдельных этих знаниях и умениях нужно с детьми идти вперёд, не распределяя материала с полной точностью по годам или месяцам (как будет впоследствии

в других школах), и именно по следующим причинам:

(1) Не все родители могут соблюдать в своём доме такого рода порядок, как это бывает в общественных школах, где никакие исключительные дела не будут нарушать порядка работы.

(2) В этом первом детском возрасте не все дети обладают одинаковыми способностями: некоторые дети начинают говорить на первом, а некоторые — только на втором или даже на третьем году.

13. — Итак, вообще я покажу, каким образом в первые шесть лет нужно давать образование детям: (1) в понимании вещей; (2) в физических трудах и в ловкости; (3) в искусстве речи; (4) в нравах и добродетелях; (5) в благочестии; (6) так как основой всего этого является жизнь и крепкое здоровье, то прежде всего будет указано, каким образом, при тщательном попечении родителей, можно сохранить детей здоровыми и невредимыми.

Глава V

КАКИМ ОБРАЗОМ ДОЛЖНО РАЗВИВАТЬ У ДЕТЕЙ ЗДОРОВЬЕ И СИЛУ

1. — Кто-то сказал, что должно молить богов о том, чтобы в здоровом теле был здоровый дух. Нужно, однако, не только молиться, но и трудиться, ибо бог обещает благословение не праздным людям, а трудолюбивым. Так как дети трудиться ещё не могут и не умеют изливать мольбы к богу, то за них должны это делать родители, стараясь питать и воспитывать (во славу Божию) тех, кого они произвели на свет.

2. — Но прежде всего, так как обучать детей можно только в том случае, если они будут живы и здоровы (ведь с больными и хилыми не достигнешь никакого успеха), то первая забота родителей оберегать здоровье детей. Это обязанность преимущественно матерей,

а потому необходимо здесь к ним и обратиться с советами.

3. — Лишь только мать заметит, что бог, творец всего, начал в её утробе творить ребёнка, с этого момента она будет предаваться благочестию более, чем прежде, обращаясь с горячими ежедневными молитвами к богу, чтобы он дал ей произвести в совершенстве развитым и здоровым на свет то, что она носит под сердцем¹⁵.

4. — Далее, женщины должны заботиться о себе, чтобы как-нибудь не повредить своему ребёнку. Поэтому (1) они должны соблюдать воздержание и умеренность, чтобы объедением и опьянением или несвоевременным постом, очищениями, кровопусканиями, простудами и пр. не изнурять себя и не подрывать своих сил или чтобы не губить и не ослаблять своего ребёнка. Итак, женщинам нужно избегать всякого излишества, пока они будут беременными. (2) Они не должны слишком сильно поскользнуться, спотыкаться, на что-либо наталкиваться, обо что-либо ударяться или даже неосторожно ступать, так как весьма легко всем этим повредить слабого и ещё не окрепшего во чреве ребёнка. (3) Беременной женщине необходимо строго воздерживаться от всяких волнений, чтобы не предаваться внезапному страху, не слишком сердиться, не мучиться, не терзаться и пр. Ведь, если она не будет этого остерегаться, у неё должен родиться раздражительный, беспокойный, печальный ребёнок. И что ещё хуже, вследствие внезапного страха и чрезмерной раздражительности, зародыш может родиться мёртвым или, самое меньшее, быть слабого здоровья. (4) Что касается внешних действий, то беременная должна следить за тем, чтобы не ослаблять себя излишним сном, вялостью и безделием, но в выполнении работ она должна быть бодрой, при возможно большей быстроте и весёлости. Ведь какую она бывает тогда

сама, такого характера она родит и ребёнка и пр. Об остальном дадут советы опытные врачи, повивальные бабки и почтенные матери.

5. — Когда ребёнок уже родился на свет, обмыв и очистив его самым тщательным образом и завернув нежное и слабенькое существо сверху тёплыми и мягкими согревающими покрывами, родители тотчас должны позаботиться о соответствующем для него питании. При этом особенно должно обратить внимание на то, чтобы мать сама была кормилицей и не отталкивала от себя своего ребёнка и не прекращала теперь того питания, которым она начала кормить своё дитя в своей утробе. Но увы! Напротив того, какой вредный и заслуживающий порицания обычай утвердился, когда некоторые матери (преимущественно из сословия знатных), наскучив тем, чтобы кормить своего ребёнка, поручают это делать чужим женщинам. Сама сущность дела заставляет здесь открыть весь позор этого и показать, как осторожно нужно поступать в этом деле. Ведь чем более глубокие корни пустил этот обычай и чем шире он распространился, тем менее можно обходить его молчанием именно здесь, где мы предположили показать с самых оснований правильно поставленный добрый порядок.

6. — Итак, я заявляю, что это жестокое отчуждение детей от их матерей и питание их чужим молоком кормилиц (если только не вызывается это каким-либо неизбежным случаем или слабостью матерей) прежде всего противно богу и природе, во-вторых, вредно для детей, в-третьих, губительно для самих матерей, в-четвёртых, совершенно не заслуживает уважения и достойно сильнейшего порицания.

7. — Что такое кормление ребёнка совершенно противоречит природе, ясно видно из того, что в ней не встречается ничего подобного даже среди диких зверей. Волчица, медведица, львица, пантера и остальные подобные дикие животные кормят своих детёнышей собствен-

ными сосцами. Итак, ужели матери человеческого рода будут более жестокими, чем все эти звери? Я спрашиваю, не то ли же самое разумеет бог в Плаче Иеремии (гл. 4, ст. 3): «Драконы обнажили сосцы, кормили своих детёнышей; дочь моего народа жестока, как страус в пустыне»? Каким образом, спрашиваю я, будет согласоваться с природою, если матери отталкивают от себя собственную кровь, собственную плоть? У родного твоего ребёнка, которого в течение стольких месяцев носила ты под сердцем, кормила твоею кровью, отнимать молоко? И притом то, которое бог дал на пользу не матерей, а детей? Ведь эти источники молока выходят наружу только в том случае, если является на свет ребёнок. Для кого же они выходят, если не для нового пришельца? Итак, ниспровергают божественный порядок все, кто переносит вещь куда угодно, а не по её назначению.

8. — Во-вторых, гораздо полезнее для здоровья ребёнка сосать грудь матери, так как зародыши уже во чреве привыкли к питанию материнской кровью. И дети подошли бы ближе к качествам и достоинствам своих родителей, чем это обычно бывает по свидетельству ежедневного наблюдения. Выдающийся философ Фаворин свидетельствует, что как оплодотворяющее семя скрытой силой может создать тело и душу по примеру своего образа, так подобным свойством обладает и молоко. Это он доказывает на примере ягнят и козлят, заявляя, что ягнята, вскормленные козьим молоком, имеют шерсть гораздо более жёсткую по сравнению с теми, которые выкормлены материнским молоком, а с другой стороны, козы, питавшиеся молоком овец, дают шерсть гораздо более мягкую. Кто, кроме слепого, не сделал бы отсюда заключения, что дети с чужим молоком впитывают также чужие нравы, а не нравы своих родителей. Если супруги не позволяют, чтобы их огород засеивали чужим семенем,

почему они позволяют, чтобы их посев орошался чужим дождём? Если отец сообщил своему ребенку свою природу, почему мать отказывает ему в своей? Зачем они, чтобы вскормить своего ребёнка, прибегают к третьему лицу? Но бог соединил только двух людей, как совершенно достаточных для произведения потомства; почему мы не подчиняемся воле божией?

9. — Если, однако, кому-либо в этом должно сделать уступку, то можно будет уступить преимущественно в двух случаях. Во-первых, если мать ребёнка страдает какою-либо заразною болезнью, то для сохранения крепости детского здоровья, чтобы дитя не заразилось чем-либо, его можно будет вверить другой кормилице. Во-вторых, если мать отличается дурными моральными качествами, которые могли бы помешать ребёнку усвоить добрые качества, и в то же время была бы возможность иметь благочестивую с хорошим нравом кормилицу, то я не возражал бы, чтобы вверить ребёнка этой последней для усвоения ребёнком лучших качеств души. Но никоим образом нельзя извинить, если в настоящее время самые почтенные, самые знатные и благочестивые матери поручают своих детей немедленно после рождения бесчестным, безбожным женщинам, и иногда даже гораздо более слабого здоровья, чем сами. Ведь таким образом дорогое дитя отдаётся в жертву вернейшей заразе, физической и духовной. И, конечно, в этом случае родителям нечего удивляться, если их дети по своим нравам и действиям оказываются в жизни совершенно непохожими на них и не идут по их стопам. Ведь по известному латинскому меткому выражению *lacte imbitur nequitia* — порок всасывается с молоком.

10. — В-третьих, когда изнеженные матери боятся, чтобы в процессе забот о детях не утратить чего-либо из своих удобств или изящества формы, то часто вместе со здоровьем они теряют не только покой, красоту, но

даже жизнь, потому что, имея молоко, они не прибегают к своим детям, как к своим врачам, которые обыкновенно освобождают матерей от чрезвычайно многих, даже скрытых болезней и излишних соков. Вышеназванный философ показал это довольно подробно. Поэтому Плутарх счёл нужным написать отдельную книгу и напомнить матерям об их обязанности, к которой они призываются богом и природою. А Авл Геллий пишет, что недостойны имени матери те, которые отказываются делать то, что повелевает бог и природа. За это он грозит им даже несчастьями всякого рода.

11. — Наконец, отказывать в груди собственным детям не соответствует материнскому достоинству. Didacus Apolephtes называет таких не матерями, а мачехами. Весьма многие, говорит он, предпочитают обнимать хоть щенка, чем носить у себя на груди своего сына, и многие скорее стыдятся носить на руках своего ребёнка, чем собаку или лесную мышь. Какое животное, спрашиваю я, настолько дико, чтобы доверять своих детей чужим? Напротив того, есть род животных, у которых самец спорит с самкой о том, кому из них ухаживать за потомством. Также птицы, хотя иногда выводят шесть или больше птенцов и бог не наградил их сосцами, чтобы кормить своих детей, не покидают своих птенцов, но с возможной заботой питают и кормят.

12. — А какое зло получается в том случае, если детей кормит не мать, но наёмная кормилица, я это поясню тремя примерами трёх римских императоров.

По свидетельству Лампридия, во всю свою жизнь Тит был подвержен болезням потому, что у него была больная кормилица. Калгула был дикий зверь в человеческом виде; причину этого приписывали не родителям, а кормилице, грудью которой он питался; она, кроме того, что была злая и безбожная, кормила его грудью, обыкновенно намазывая её кровью. Отсюда

он стал настолько свирепым, что не только охотно проливал человеческую кровь, но даже лизал языком кровь, оставшуюся на мече, никогда не чувствуя удовлетворения своей кровожадности. Он осмелился пожелать, чтобы у всех людей была только одна шея, которую можно было бы срубить одним ударом. Цезарь Тиберий был предан пьянству: его кормилица не только сама была любительницей вина и пьяницей, но и приучила его с детства к супу с вином.

13. — Отсюда уже можно видеть, что весьма многое не только в отношении тела и здоровья, но также и в отношении души и нравственности зависит от того, какую кто имел кормилицу. Ведь если кормилица страдает какой-либо явной или скрытой болезнью, то и ребёнок будет к ней склонным. Если она будет распутной, лживой, грязнухой, пьяницей, раздражительной, то от ребёнка нечего ждать чего-либо другого; семена всех этих пороков он будет всасывать с молоком (Didacus Apolephites, 111, стр. 72 и сл.).

14. — Но достаточно об этом при данных условиях. Благочестивые, разумные и пекущиеся о здоровье своих детей родители сами будут знать, как нужно пользоваться этим указанием.

15. — Позже, вместе с молоком, детей можно постепенно приучать к другой пище; разумно, однако, начинать с такой пищи, которая более близка к естественной. Эта пища должна быть мягкой, сладкой, легко перевариваемой. Приучать маленьких детей к лекарствам (как у некоторых в обычае) крайне вредно. Во-первых, лекарства являются препятствием для естественного пищеварения в желудке и, следовательно, мешают росту. Лекарство и пища противоположны друг другу: пища даёт телу кровь и жизненные соки и увеличивает их, а лекарство противодействует им, удаляет и изгоняет их. Кроме того, принимаемое сверх необходимости лекарство входит в природную привычку и теряет свою

силу, а потому в необходимых случаях не даёт никаких последствий, так как природа к нему привыкла. Мало того, отсюда следует (что важнее), что дети, привыкшие к лекарствам в нежном возрасте, никогда не достигают полного развития сил и крепкого здоровья, их силы слабы, они становятся больными, бледными, слабосильными, страдают нарывами, ускоряют свой конец и преждевременно умирают.

16. — Поэтому, возлюбленные родители, если вы желаете быть мудрыми, не давайте вашим детям без необходимости лекарства как яда, точно так же и в питье и пище — горячего и острого, так как есть блюда переперченные или чрезмерно солёные. Кто кормит детей такого рода блюдами и поит такими напитками, тот делает нечто подобное неразумному садовнику, который, желая, чтобы дерево быстро выросло и расцвело, посыпает корень известью, чтобы согреть его. Конечно, верно, что это растение быстрее будет расти и пустит почки, но быстрее начнёт засыхать и вянуть и в середине своего роста совершенно погибнет. Ты сомневаешься в этом? Сделай опыт и узнаешь, насколько это полезно для детей. Детям и остальным созданиям в нежном возрасте бог назначил и определил в пищу молоко; итак, их нужно питать им. А как только их можно будет отнять от груди, их нужно питать подобною же пищей, приготовляя её, однако, в умеренном количестве, а именно — хлебом, маслом, кашами, какими-либо овощами, водою и лёгкими фруктовыми напитками; так они будут расти, как травка у текучей воды; нужно лишь доставлять им умеренный сон, частые игры, лёгкие движения и в благочестивых молитвах (что особенно нужно соблюдать) поручать их благополучие и здоровье богу.

17. — Поэтому спартанцы, умнейшие из всех народов, которые когда-либо жили на земле, особенно заботясь о правильном воспитании юношества, государственными законами строго запретили пить вино моло-

дым людям до двадцати лет. Если таким образом юношеству воспрещено было употребление вина, то что, можно думать, сказали бы они теперь о приводящем в безумие, недавно изобретённом на погибель человеческого рода напитке, т. е. водке, которая теперь одинаково губит и юношей и старцев? Конечно, теперь время научиться с большей осмотрительностью торговать этим напитком и не губить, и не убивать, по крайней мере, малолетних детей.

18. — И вообще за здоровьем детей нужно следить с величайшей тщательностью, так как их небольшое тело хрупко, кости мягки, кровеносные сосуды слабы, ни один член ещё не развился вполне и совершенно. Итак, нужна разумная предусмотрительность в том, как ребёнка взять на руки, приподнять, носить, положить, спеленать, качать в колыбели, чтобы по неосторожности не повредить ему, как бы он не упал из рук, не ушибся, а оттуда — как бы не лишился зрения или слуха, не стал хромым или увечным. Ребёнок — более дорогое сокровище, чем золото, но он более хрупок, чем стекло, легко может подвергнуться сотрясению и быть искалеченным, а происходящий отсюда вред непоправим.

19. — А когда дети начнут сидеть, стоять, бегать, то, чтобы при этом они не ударились обо что-либо, нужны маленькие кресла, повязки на коленях, колясочки; всегда нужно начинать с самого маленького. В некоторых местах есть обыкновение повязывать голову детей шапочкой, наподобие подушки, набитой ватой, чтобы, упав, дети не так легко могли повредить голову. Эта предохранительная мера может быть применена и к другим частям тела. От холода и простуды их будет защищать соответствующая одежда и тёплое жилище. Говоря кратко, нужно заботиться о том, чтобы слабое здоровье детей не потерпело ущерба от ушибов или от чрезмерного жара и холода, от обилия пищи или питья,

или от голода и жажды, но чтобы во всём имела место умеренность¹⁶.

20. — Будет также полезным соблюдать упорядоченный образ жизни, а именно: несколько раз в день нужно ребёнку ложиться спать и снова вставать, несколько раз его кормить или развлекать игрой, так как это весьма полезно для здоровья и является основой порядка в будущем. Хотя это кому-нибудь может показаться смешным, однако действительно детей можно приучить к довольно приличному и приятному порядку; это доказывают примеры.

21. — И так как наша жизнь — огонь, а огонь немедленно гаснет, если не будет иметь притока воздуха и постоянного движения, то дети, по необходимости, должны иметь свои ежедневные упражнения и движения. И для этой нужды детей изобретены раскачивание в колыбели, перенесение с места на место, катание в колясочках (пока они сами не будут в состоянии двигаться и бегать). А когда несколько подросший ребёнок начинает владеть ногами, можно ему позволить бегать и выполнять то или другое дело. Чем больше ребёнок что-либо делает, бегаёт, играет, тем лучше он спит, тем легче варит его желудок, тем быстрее он растёт, тем он становится сильным физически и духовно. Только нужно следить за тем, чтобы он не ушибся где-нибудь. Поэтому также для бегания и для упражнения нужно найти безопасное место для детей и показать такой способ упражнения, который был бы безвредным, и привлекать кормилиц и нянек для охраны здоровья детей.

22. — Наконец, так как по народной пословице: весёлое настроение — половина здоровья; мало того, по Сираху, веселие сердца есть сама жизнь человека (гл. 30, ст. 23), все родители должны стремиться к тому, чтобы у детей не было недостатка в развлечениях. Например, на первом году настроение у них подымается движением колыбели, движением рук, пением, щёлка-

нием трещётки, ношенном по двору или по саду, или даже поцелуями, объятиями, лишь бы всё это происходило осмотрительно. На втором, третьем, четвёртом и т. д. году это происходит благодаря приятной с ними или между ними игре, беганию в разные стороны, преследованию, слушанию музыки и каким угодно приятным зрелищам, рисованию и т. д. И чтобы сказать вкратце, ребёнку ни в каком случае не нужно отказывать в том, что ему угодно и приятно; мало того, если к тому, что приятно для зрения, слуха и других чувств, будет замечен какой-либо интерес, то это будет укреплять тело и дух. Не следует допускать только того, что противно благочестию и добрым нравам. Подробно об этом в другом месте.

Глава VI

КАКИМ ОБРАЗОМ НУЖНО УПРАЖНЯТЬ ДЕТЕЙ В ПОНИМАНИИ ВЕЩЕЙ

1. — Когда я был юнейшим сыном моего отца, говорит мудрейший из людей Соломон (Притчи, 4, ст. 4), и единственным у моей матери, то, указывая, что начало всего есть премудрость, отец учил меня, что нужно искать разума и приобретать его всем достоянием. Итак, было бы делом родительской мудрости не только заботиться о том, чтобы их дети были живыми или чтобы у них было накоплено как можно более богатства, но и из всех сил стремиться к тому, чтобы ум их наполнить мудростью. Ведь мудрость дороже драгоценных камней и жемчужин, и всё, к чему люди стремятся, нельзя сравнить с мудростью. Долголетие в правой её руке, а богатство и слава — в левой. Пути её — пути прекрасные, и все дороги её — мирные. Дерево жизни у тех, кто ею овладеет, и счастливы те, кто её удержит. Слова самого святого духа (Притчи, 3, ст. 15).

2. — Но обдумайте, родители, когда нужно начинать с детьми эти упражнения в мудрости. Соломон говорит,

что он получил наставления от своего отца ещё в раннем детстве. И хотя он был единственным ребёнком у матери, однако она не препятствовала его образованию. Равным образом и нашим детям ещё в младенческом возрасте можно дать понимание природных и других явлений. Но каким образом? Конечно, насколько позволяет их нежный возраст, т. е. сообразно с их развитием. Это я покажу на примере.

3. — Физическая жизнь у только что родившихся детей заключается в том, чтобы есть, пить, спать, переваривать пищу, расти. Но это не затрагивает их интеллекта. Только на втором или на третьем году они начинают понимать, что такое папа, что такое мама, пища или питье и пр. И скоро они станут понимать, что мы называем водою, что огнём, что ветром, что холодом, что жарой, что коровой, что собачкой, а также и некоторые общие различия естественных вещей. Это внушат им няньки, обнимая их своими руками, нося кругом и говоря: «Вот лошадь, вот птица, кошка и т. д.». На четвёртом, пятом, шестом году жизни они могут делать всё большие и большие успехи в понимании тех же самых вещей, так что они будут знать, что такое камень, песок, грязь, дерево, сук, лист, цветок и пр. Могут также узнать некоторые плоды: грушу, яблоко, вишню, виноград и пр. Также они могут называть по имени внешние члены своего тела и знать вообще их действия. В этом деле могут часто с ними заниматься отец, мать или нянька и, показывая то или другое, называть, предлагая им это самое высказывать, отвечая на вопросы: Что это? — Ухо. Что ты им делаешь? — Слушаю. А это что? — Глаз. Для какой цели? — Чтобы видеть. Как это называется? — Нога. На что она? — Чтобы ходить, и пр.

4. — Основой оптики будет восприятие, созерцание того, что естественно для детей: ведь свет — первое, что можно видеть, и он привлекает к себе глаза.

Однако должно следить за детьми и не позволять им пристально смотреть на слишком сильный свет и на блеск, которые притупляют остроту зрения, особенно вначале, чтобы не было ослаблено или испорчено зрение, которое только что укрепляется. Нужно позволять им смотреть на умеренный свет и на всё, что блещет спокойно, а особенно на зелёный свет. На второй и третий год упражнением в оптике будет предложение детям рассматривать что-нибудь раскрашенное и цветное, показывать красоты небесного свода, деревьев, цветков, текущей воды, повязывать их руки и вешать на шею кораллы, надевать на них красивые одежды и пр., так как всё это дети рассматривают с удовольствием. Мало того, острота зрения и мысли развиваются, если дети смотрят в зеркало. На четвёртом году и в следующие годы область зрения надо расширять ещё больше, так как иногда можно выводить детей из дома: в огород, поле и пр. или к реке, чтобы они рассматривали животных, деревня, травы, цветы, текущую воду, движение мельничных колёс и т. п., что доставляет удовольствие их глазам. Далее, приятно видеть рисунки в книгах, картины на стенах и пр. Итак, не следует детей от них отстранять, а скорее нужно вводить их во всё это.

5. — Начала астрономии дети могут получить на втором или, в крайнем случае, на третьем году, смотря на небо и устанавливая различие между солнцем, луною и звёздами. На четвёртом и на пятом году они будут в состоянии наблюдать, что солнце и луна восходят и заходят; луна иногда бывает полная, иногда наполовину, а иногда серпом: на это можно и должно также указывать. На шестом году можно будет, пожалуй, им сообщить, что зимой дни самые короткие, а ночи самые длинные, напротив, летом день — длинный, а ночь — короткая, и пр.

6. — Начала географии получают место к концу первого года, когда дети начнут различать свою

колыбель и лоно матери. На втором и на третьем году их география будет состоять в том, чтобы знать ту комнату, в которой они живут, и пр. Они должны различать, когда нужно есть, ложиться спать или идти гулять, где нужно искать света или тепла. На третьем году они увеличат свои знания по географии, если будут различать и запоминать названия не только своей комнаты, но и сеней, кухни, спальни, того, что на дворе, в конюшне, огороде, в доме и вокруг него. На четвёртом году, гуляя, они узнают дорогу по улице к рынку, к соседу, к дяде, к бабушке, к тётке, к своему воспитателю. А на пятом и на шестом году они должны всё это крепко запомнить и понять, что такое город, деревня, поле, сад, лес, река и пр.

7. — Их нужно также учить различать время, а именно: что одно есть день, а другое — ночь, а также, что такое утро, вечер, полдень, полночь; также — сколько раз в день нужно есть, спать, молиться. Это будут первые зачатки хронологии. Далее они узнают, что неделя имеет семь дней и какой день за каким следует; шесть дней — будни, а седьмой день — праздник; в праздники нужно быть свободным от работ вне дома и нужно посещать храм и присутствовать при богослужении. А трижды в году празднуются торжественные праздники: рождество Христово — зимою, пасха — весною, пятидесятница — летом; осенью собирается виноград и пр. Хотя они сами по себе научатся это замечать и запоминать, однако ничто не мешает по-детски с ними об этом поговорить при соответствующих случаях.

8. — С историей и рассказами о минувшем нужно знакомить детей, как только они начнут говорить, и притом сначала путём детских маленьких вопросов: Кто тебе это дал? Где ты был вчера? Где ты был в среду? Пусть ребёнок отвечает: у деда, у бабки, у тётки и пр. Какой подарочек ты оттуда принёс? Что

обещал дать тебе твой крёстный отец? и пр. Иное из этого само задержится в памяти, нужно лишь наблюдать (так как детская память начинает собирать себе сокровища), чтобы она собирала только доброе и полезное для достижения добродетелей и страха божия; что противно этому, то не должно попадаться ни зрению, ни слуху.

9. — Экономические познания (т. е. понимание управления домашним хозяйством) будут начинаться на первом и следующих годах, когда дети начинают узнавать мать, отца и няню, а затем будут узнавать также и других в доме. На третьем году они поймут, что отец и мать в доме распоряжаются, а остальные подчиняются. На четвёртом и пятом году они должны приучаться к бережливости; они должны различать свои одежды, предназначенные для праздничных дней и для будней, и первые беречь, не пятнать, не рвать, не пачкать о землю. Отсюда они легко поймут, для какой цели служат сундуки, шкафы, кладовые, подвалы, замки и ключи, а именно, чтобы не каждому был доступ куда угодно. Что касается остальной необходимой утвари, то или они сами, смотря на неё, поймут, для чего она предназначена, или узнают от родителей, от нянек, от старших братьев или сестёр и из домашнего разговора. В этих целях особенно полезно давать детям для игры деревянные или оловянные лошадки, коров, овец, колясочки, горшочки, столы, стулья, кружки, кастриольки; они будут служить не только для игры, но и для содействия пониманию вещей. Ведь это и означает учить маленьких детей жизни (Притчи, 22, ст. 6), т. е. постепенно открывать им глаза на эти маленькие вещи, чтобы они не остались слепыми в больших.

10. — Политические познания детей в первые годы могут быть весьма незначительны. В самом деле, хотя они слышат, что упоминаются слова: господин, начальник, консул, претор или судья, но так как они не знакомы с тем, что эти лица делают, да если бы

даже присутствовали в местах исполнения общественных обязанностей, то всё-таки не поняли бы сущности политической работы, — не следует и ознакомлять их с этой работой. Всё это можно будет изменить, если они приучатся к элементам политического разговора, понемногу постигая (о чём мы упомянем ниже, говоря о развитии нравственности), кому они сами должны повиноваться, кого должны почитать и уважать, чтобы их обращение с отцом, с матерью и с домашними было разумным. Например, если кто-либо их зовёт, они должны откликнуться, встать и выслушать, чего от них хотят. На вопросы, хотя бы это была шутка, должны отвечать деликатно. Ведь по отношению к этому нежному возрасту мы охотно позволяем себе ласково, шутливо говорить с детьми для развития их рассудка. Итак, нужно их учить и наставлять, чтобы они понимали, что говорится в шутку или серьёзно, а также, чтобы они знали, когда на шутку должно отвечать шуткой, и, с другой стороны, чтобы они вели себя серьёзно, когда говорят серьёзно. Без всякого затруднения они научатся понимать это по выражению лица и жестов, будет ли кто-либо приказывать что-либо, или говорить в шутку или серьёзно. Если только воспитатели сумеют понять детский характер, они не должны шутить с детьми в какое угодно время, а тем более среди серьёзного (например, во время молитвы или внушений, или уговаривания), а также, прибегая к шутке, не должны наморщивать бровей, гневаться на детей или наказывать их побоями. В подобных случаях дети теряются, не зная, как понимать то или другое. Кто желает, чтобы ребёнок стал разумным, должен вести себя с ним разумно, а не делать его сперва глупым или совершенно неразвитым, не понимающим, что происходит.

11. — Сильно также развивается ум детей и их понимание баснями о животных и другими искусно сочинёнными рассказами. Такого рода маленькие рассказы

дети охотно слушают и легко их запоминают. И так как в такие искусно составленные басни большей частью вкладывается какая-либо нравственная идея, то их должно предлагать детям с двойной целью, а именно: чтобы это было занимательно для ума и чтобы постепенно внедрялось в них то, что некогда должно принести им пользу.

12. — Вот что мы хотели сказать о том, как разумно развивать в детях понимание вещей. Прибавлю одно. Хотя няньки и родители во всём этом могли бы принести детям немало пользы, однако ещё более полезны тут детям сверстники, всё равно — рассказывает ли что-либо один другому или играет с ним. Одинаковый детский возраст, одинаковые успехи, нравы и привычки более способствуют взаимному развитию, так как глубиною изобретательности один другого не превосходит. Между ними нет никакого стремления к господству одного над другим, никакого принуждения, никакого страха, но одинаковая любовь, искренность, свободные вопросы и ответы о каждом деле. Когда мы возвращаемся среди детей, всегда этого нам, старшим, нехватает, а этот недостаток является препятствием.

13. — Итак, никто не будет сомневаться в том, что ребёнок будет развивать ребёнка более, чем мог бы это сделать кто-либо другой. И поэтому следует не только позволять, но даже принимать меры к тому, чтобы дети ежедневно посещали компании детей и вместе с ними играли на улицах или бегали. Нужно избегать только одного: чтобы дети не входили в испорченные сообщества, которые должны принести больше зла, чем пользы. Осторожные родители, заметив, что по соседству есть такое сообщество, легко предупредят эту опасность и не позволят пачкать этой грязью своих детей.

КАКИМ ОБРАЗОМ НУЖНО ПРИУЧАТЬ ДЕТЕЙ
К ДЕЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ И ПОСТОЯННЫМ
ЗАНЯТИЯМ

1. — Дети охотно всегда чем-нибудь занимаются, так как их живая кровь не может оставаться в покое. Это весьма полезно, а потому не только не следует этому мешать, но нужно принимать меры к тому, чтобы всегда у них было что делать. Пусть они будут теми муравьями, которые всегда заняты; что-нибудь катают, несут, тащат, складывают, перекалывают; нужно только помогать детям, чтобы всё, что происходит, происходило разумно, и, играя с ними, указывать им даже формы всех игр (ведь заниматься серьёзным они ещё не могут). Рассказывают, что когда-то проходивший ещё холостой юноша заметил, что афинский полководец Фемистокл на длинной песчаной площадке играет со своим сыном в лошадки. Когда Фемистокл заметил, что юноша удивляется тому, что столь знаменитый муж ведёт себя столь по-детски, он просил его не рассказывать кому-либо об этом ранее, чем сам не будет иметь сына. Этим он давал понять, что, сделавшись сам отцом, он лучше поймёт чувство родителей по отношению к детям и перестанет смущаться тем, что теперь считает ребячеством.

2. — Так как дети стремятся подражать всему, что видят в других, то им нужно позволять это, за исключением тех случаев, когда они хотят пользоваться вещами, которыми они могут нанести себе вред, или что-либо испортить, как, например, ножами, топорами, стеклом и т. п. Где это окажется подходящим, вместо настоящих вещей для пользования детей нужно иметь готовые игрушечные вещи: оловянные ножи, деревянные мечи, плуги, коляски, салазки, мельницы, домики и т. п.; всегда играя с ними, дети будут развивать в теле здо-

ровье, в уме — живость, а во всех членах — подвижность. Охотно строят они домики и выводят стены из глины, опилок, дерева, камней; здесь сказывается дар строительства. Словом, во что бы ни захотели дети играть (лишь бы это не было вредным), им нужно помогать, а не мешать. Ведь им больше нечем заниматься, а безделье вредно для души и тела.

3. — Идя последовательно год за годом, в первом году достаточно достигнуть механического умения, если дети научатся открывать рот для пищи, держать прямо голову, поворачивать глаза, брать что-либо рукою, сидеть, стоять и пр. Всё это будет скорее делом природы, чем упражнения.

4. — На втором и третьем году механические навыки будут более широкими. В это время дети начинают понимать, что значит бегать, прыгать, различным образом поворачиваться, играть с чем-либо, зажигать, снова гасить, переливать воду, переносить что-либо с места на место, класть, поднимать, расстилать, ставить, вращать, свёртывать, развёртывать, сгибать, выправлять, ломать, колоть и пр.; всё это нужно разрешать детям; больше того, при удобном случае, показывать им.

5. — Четвёртый, пятый и шестой годы будут и должны быть полны ручного труда и всяких строительных работ. Нехорошим признаком является слишком спокойное состояние ребёнка во время сидения и ходьбы. Если ребёнок всегда бегаёт или всегда что-либо делает, это служит верным доказательством здорового тела и живого ума. Поэтому, как было сказано, за что бы ребёнок ни взялся, не только не нужно ему мешать, но нужно помогать с тем, чтобы всё, что делается, делалось разумно и подготовляло дорогу к дальнейшим серьёзным трудам.

6. — Также в рисовании и в письме нужно заставить детей упражняться в материнской школе на

четвёртом или на пятом году жизни, по мере того, как можно будет заметить или пробудить склонность к этому, предложив им мел (более бедным — уголь) с тем, чтобы они по желанию ставили точки, проводили линии, крючки, кресты, круги. В виде игры или для развлечения можно будет понемногу показывать также способ, как это делать. Таким образом они приучаются на будущее время держать мел и писать буквы и узнают, что такое точка или линия; впоследствии это чрезвычайно облегчит труд преподавателя.

7. — Диалектика здесь может быть только натуральная и добытая опытом. Как ведут себя те, кто живёт вместе с детьми — разумно или неразумно, так приучаются жить и дети.

8. — Основы арифметики можно заложить только на третьем году, когда дети начнут считать сначала до пяти, а впоследствии до десяти или по крайней мере начнут ясно выговаривать эти числа, хотя бы вначале они и не понимали, что это значит. Потом они сами могли бы заметить, для какой цели служит этот счёт. Если на четвёртом, на пятом, на шестом году они научатся считать по порядку до двадцати и быстро различать, что семь больше пяти, пятнадцать больше тринадцати, то этого будет достаточно. Какое число чётное и какое нечётное, они без всякого труда поймут из игры, которую мы называем «чёт — нечёт». Упражнять в арифметике далее будет бесполезно и даже вредно. Ведь ничто с таким трудом не воспринимается нашим умом, как число.

9. — Основы геометрии они будут в состоянии усвоить на втором году, различая, что мы называем большим и что малым; впоследствии они легко поймут, что такое короткое, длинное, широкое, узкое. На четвёртом году они поймут различия некоторых фигур, например, что мы называем кругом, что линией, что крестом. Наконец, они узнают названия более употреб-

тельных мер, например дюйм, четверть, пядь, локоть, шаг, фунт, квадрат и пр. Если что-либо станет им более известным, само собою, они попытаются измерять, взвешивать и сопоставлять одно с другим.

10. — Музыка для нас — дело наиболее естественное. Как только мы являемся на свет, мы тотчас исполняем райскую песнь, которая напоминает нам о нашем падении: А! а! Э! э! Жалобы, говорю я, и плач — первая наша музыка, удержать от которой детей невозможно, а если бы даже и было возможно, то было бы вредно, так как плач приносит пользу здоровью. Ведь пока нет остальных упражнений в движениях, грудь и остальные внутренние органы таким способом освобождаются от того, что для них излишне. На втором году детям начинает доставлять удовольствие также и посторонняя музыка, т. е. пение, треск, игра на музыкальных инструментах. Итак, понемногу в этом детям нужно идти навстречу, чтобы их слух и сердце услаждались созвучием и гармонией...

11. — Но невозможно, чтобы на четвёртом году некоторые пели сами; запоздалых не следует принуждать, но нужно им давать в руки свирель, бубен, детский струнный инструмент; чтобы, свистя, звеня, треща, они приучали слух к восприятию различных звуков или даже подражали им...

12. — Распевая ...вместе с детьми и как бы играя с ними, родители и няньки совершенно без всякого труда могут внедрить эти песенки в их ум, так как память детей стала уже гораздо обширнее и восприимчивее, чем была раньше, а благодаря ритмам и мелодии воспринимает больше, легче и приятнее. Но чем больше песен дети запомнят, тем приятнее будет это им самим...

КАКИМ ОБРАЗОМ НУЖНО ИСКУСНО УПРАЖНЯТЬ ДЕТЕЙ В РАЗВИТИИ РЕЧИ

1. — Две особенности решительно отличают человека от животных: разум и речь; разум нужен человеку для самого себя, а речь — для ближнего. Поэтому нужно прилагать одинаковую заботу к тому и другому, чтобы и ум, и язык были у человека как можно более развиты и усовершенствованы. Прибавим теперь кое-что относительно образования речи, а именно, какое начало нужно положить изучению грамматики, риторики и поэтики, когда и каким образом.

2. — У некоторых детей начала грамматики начинают сказываться с шести месяцев, но, обычно, в конце первого года, когда в их языке начинают формироваться некоторые звуки или даже слоги: а, е, и, ба, ма, та и пр. Но на следующий год это обыкновенно проявляется полнее, когда дети пытаются произносить целые слова. В это время обычно им предлагают произносить некоторые лёгкие слова: тётя, мама, папа; так и необходимо поступать, ибо сама природа приказывает начинать с более лёгкого, так как детскому впервые упражняющемуся языку трудно произносить так, как произносим мы, взрослые: о т е ц, м а т ь, п и щ а, п и т ь ё и пр.

3. — Однако, как только язык у детей начинает действовать лучше, вредно позволять им говорить картаво. Иначе, когда дело дойдёт до изучения более важного, они вынуждены будут, наконец, говорить правильно и отучиваться от того, чему ранее научились неверно. Почему же мать, сестра, нянька не занимаются с детьми, которые уже свободно начинают говорить, и во время игр и развлечений не научат их произносить хорошо и отчётливо буквы, слоги и целые слова (однако сперва более короткие) или отдельные буквы или слоги? На этом году жизни им и нужна только такая

грамматика. Эти упражнения могут продолжаться до третьего года; иногда, вследствие медленного развития некоторых детей, это необходимо и позже.

4. — На четвертом, пятом, шестом году вместе с пониманием окружающего речь детей будет обогащаться; только не следует пренебрегать упражнениями, чтобы они привыкли называть своим именем всё, что видят дома и чем занимаются. Поэтому нужно часто ставить вопросы: что это такое? что ты делаешь? как это называется? — при этом всегда нужно обращать внимание на то, чтобы они произносили слова отчетливо. Требовать большего здесь нет необходимости, разве только не мешало бы помогать, используя развлечения. Например, кто лучше и скорее произнесёт какое-либо длинное слово, вроде Таратануара, Навуходоносор, константинопольцы и пр.

5. — Риторика также начинается в первом году и притом с последней своей части, с жестов. До тех пор, пока разум этого юного возраста и язык скрываются в глубоких недрах, мы имеем обыкновение вводить детей в познание нас самих и в познание вещей известными жестами и внешними действиями, а именно: когда мы их поднимаем, кладём спать, показываем им что-нибудь или улыбаемся, то посредством всего этого мы показываем, чтобы они со своей стороны посмотрели на нас, засмеялись, протянули руки, взяли то, что мы им даём. Так и мы учимся понимать друг друга скорее при помощи жестов, чем при помощи речи; таким же образом нужно поступать и с глухими. Ребёнок может, говорю я, тотчас, на первом и на втором году научиться настолько, чтобы понимать, что значит весёлое и печальное лицо, что значит угроза пальцем, что значит утвердительный или отрицательный кивок головой. Это и есть основа риторического действия.

6. — Приблизительно на третьем году дети начнут по жестам понимать фигуральные выражения и подражать,

иногда спрашивая, иногда выражая удивление, иногда умалчивая, когда что-либо рассказывают. Из учения о тропах они могут понять немного, пока занимаются тем, чтобы понять собственное значение слов. Однако же, если на пятом или на шестом году они услышат что-либо такое от своих сверстников или от няnek, они также это усвоят. Нечего беспокоиться о том, чтобы в этом возрасте они это поняли или знали, так как они будут иметь ещё достаточно времени для этих высоких (изукрашенных) слов. Я стремлюсь только к тому, чтобы показать, что корни всех наук и искусств в каком угодно ребёнке (хотя бы мы обыкновенно этого не замечали) растут уже в нежном возрасте, и на этих основаниях строить всё вполне возможно и нетрудно, лишь бы только с разумным существом мы действовали разумно.

7. — Приблизительно то же самое нужно сказать о поэзии, которая связывает речь рифмами и метрами, а именно, что её основы вытекают из начал речи: как только ребёнок начинает понимать слова, то вместе с тем начинает любить также созвучие и ритмы. Поэтому, когда ребёнок, упав или где-нибудь ударившись, плачет, няньки утешают его примерно такими или подобными ритмами: «Мой мальчик, мой красавчик, где ты бегал? Что принёс? Если бы дитя спокойно сидело, не вернулось бы с шишкой». Это до того нравится детям, что они не только легко умолкают, но даже смеются. Обыкновенно также, хлопая у них рука об руку, поют следующее или тому подобное: «О, мой ребёнок, мой мальчик, спи прекрасно, сомкни ясные твои глазки, ни о чём не заботься».

8. — Было бы хорошо, если бы на третьем и на четвёртом году количество такого рода рифмованных песенок увеличилось.

Пусть няни, играя, напевают их детям не только для того, чтобы отвлечь их от плача, но также и для того,

чтобы они сохранились в их памяти и с течением времени могли быть полезными; например, на четвертом, пятом и шестом году дети расширяют знание поэзии, запоминая религиозные стихи. Об этом я напомним ниже (гл. X) среди упражнений в благочестии. Хотя бы дети теперь и не понимали, что такое ритм или стих, однако они учатся на опыте замечать некоторое различие между размеренной речью и прозой. Мало того, когда в своё время то же самое будет разъясняться в школах, им будет приятно сознавать, что они ранее уже узнали нечто подобное и теперь понимают лучше. Итак, детская поэзия состоит в том, чтобы, зная несколько ритмов или стишков, дети могли понять, что такое ритм, или поэзия, и что такое растаявшая речь. Этого достаточно о развитии речи и о том, как далеко и по каким ступеням нужно развивать её у шестилетнего ребёнка.

Глава IX

КАКИМ ОБРАЗОМ НУЖНО УПРАЖНЯТЬ ДЕТЕЙ В ПРАВИДИЛЬНОСТИ И ДОБРОДЕТЕЛЯХ

1. — В IV главе я изложил, каковы те внешние достоинства, которые должно с первых лет развивать у детей. Теперь я укажу, как благоразумно и удобно это следует производить. Если бы кто-либо спросил, каким образом в столь нежном возрасте можно приучить детей к этим серьёзным вещам, я отвечу: молодые деревца легче заставить расти так или иначе, чем взрослое дерево; таким же образом гораздо скорее можно направлять ко всему доброму юношество в первые годы его жизни, чем впоследствии, пользуясь при этом только научными средствами. Они следующие:

- 1) Постоянный образец добродетелей.
- 2) Своевременное и разумное наставление и упражнение.
- 3) Умеренная дисциплина.

2. — Необходимо постоянно показывать детям хороший пример, так как (как мы это достаточно показали в «Великой дидактике») бог даровал детям как бы свойство обезьян, а именно: страсть подражать всему тому, что на их глазах делают другие. Так, хотя бы ты никогда ничего не предписывал ребёнку делать, только бы на глазах его что-либо говорил или делал, ты увидишь, что, подражая, он попытается делать то же; это подтверждается постоянным опытом. Поэтому в том доме, где есть дети, нужна величайшая осмотрительность, чтобы не произошло чего-либо противного добродетели, но чтобы все соблюдали умеренность, опрятность, уважение друг к другу, взаимное послушание, правдивость и пр. Если это будет происходить постоянно, то, несомненно, не нужны будут ни множество слов для наставления, ни побои для принуждения. Но так как часто сами взрослые нарушают правила нравственности, то неудивительно, что и дети также подражают тому, что видят у других, да и вообще свойственно начинать с погрешностей, и наша природа сама по себе склонна ко злу.

3. — Однако к этому свойству нужно будет присоединить своевременные и разумные наставления. Уместно будет учить детей словами тогда, когда мы видим, что примеры действуют на них недостаточно, или когда, желая подражать примеру других, они делают это недостаточно умело. Здесь-то и будет полезно дать им наставление, чтобы они вели себя так, а не иначе: Вот, смотри, как делаю я, как делают отец и мать. Брось это! Стыдись! Ты не станешь прекрасным юношей, если будешь вести себя таким образом. Так поступают бродяги... и т. п. Прибегать к слишком длинным увещаниям или говорить длинные речи — ещё не время, да и ни к чему не приведёт.

4. — Чтобы дети более обращали внимание на примеры добродетелей и на увещания, иногда нужно также наказание. Есть две ступени наказания. Первая сту-

пень — окрик на мальчика, если он в чём-либо ведёт себя неприлично. Однако это нужно делать разумно, чтобы он не был потрясён и чтобы в то же время он почувствовал страх и следил за собой. Иногда могут последовать за этим более сильное порицание и обращение к его совести с последующим увещанием и угрозой, чтобы он этого более не допускал. Если будет заметно исправление, то будет полезно немедленно или немного позже снова его похвалить. Ведь разумной похвалой и порицанием достигается многое не только у детей, но даже у взрослых. Если эта первая ступень наказания останется недействительной, тогда применяется и другая — наказывать розгами или побить рукой с той целью, чтобы ребёнок опомнился и более следил бы за своим поведением.

5. — Здесь я не могу воздержаться от того, чтобы не выразить сурового порицания обезьяньей или ослиной любви со стороны некоторых родителей по отношению к детям. Закрывая на всё глаза, такие родители позволяют детям расти без всякой дисциплины и без всякого наказания. В таких случаях детям разрешается совершать какой угодно негодный поступок, бегать туда и сюда, кричать, вопить, без причины плакать, грубо отвечать старшим, приходить в гнев, показывать язык, позволять себе какое угодно своеволие — всё это родители терпят и извиняют. «Ребёнок!» говорят они. «Не нужно его раздражать. Он ещё этого не понимает». Но ты сам — глупый ребёнок! Если ты замечаешь у ребёнка недостаток понимания, то почему не пробуждаешь его? Ведь не для того он рождён, чтобы остаться телёнком или ослёнком, но чтобы стать разумным существом. Или ты не знаешь, что глупость связана с сердцем юноши, что она изгоняется оттуда, как говорит Писание, жезлом наказания? (Притчи, 25, ст. 15). Почему ты предпочитаешь, чтобы он оставался при своей естественной глупости, а не был бы избавлен от неё с помощью своевременного святого и спасительного наказания? Не думай, что ре-

ребёнок не понимает. Если он понимает, что значит предаваться своевольно и гневу, беситься, злиться, надувать губы, бранить другого и пр., то, конечно, он поймёт также, что такое розга и для чего она служит. Не у ребёнка нехватает здравого смысла, но у тебя, глупый человек: ты не понимаешь и не желаешь понять, что будет служить на пользу и отраду и тебе, и твоему ребёнку. Ведь почему большая часть детей впоследствии становится неуступчивыми по отношению к родителям и всячески их огорчают, если не потому, что не привыкли их уважать.

6. — Совершенно правильно сказано: кто будет расти без дисциплины, состарится без добродетелей. Ибо должно исполниться Писание, которое утверждает, что розга и наказание приносят мудрость, а своевольный ребёнок покрывает свою мать стыдом (Притчи, 29, ст. 15). Поэтому-то там же божественная мудрость поучает (ст. 17): «Наказывай своего сына, и он успокоит тебя и даст наслаждение душе твоей». Если родители не повижутся этому совету, то получают от детей своих не наслаждение и покой, а позор, укоризну, огорчение и беспокойство. Часто приходится слышать от родителей такие жалобы: у меня плохие и безнравственные дети, один — безбожник, другой — расточитель, а тот — человек безрассудный. И что удивительного, мой друг, если ты жнёшь то, что посеял? Ты посеял в их сердце своеволие и хочешь собрать плоды дисциплины? Это было бы похоже на чудо: дикое дерево не может приносить плоды привитого. Пока деревцо было нежным, нужно было приложить старание, чтобы оно было привито, согнуто или выпрямлено, а не выростало бы так уродливо. Но так как весьма многие пренебрегают дисциплиной, то нет ничего удивительного, что молодёжь везде вырастает своевольной, дикой, безбожной, что бог на это гневается, а благочестивые люди огорчаются. Разумно, конечно, сказал кто-то из мудрецов, что ребёнок нуж-

дается в розге, хотя бы казался ангелом. Разве сам Илий не вёл благочестивой жизни? Разве не давал благочестивых увещаний своим сыновьям (1 Царств, 2, ст. 2)? Но так как он не прибегал к строгим наказаниям, то судьба его была печальна: своей слабостью он навлек на себя величайшую скорбь на свой дом — божий гнев, на весь свой род — истребление (11 Царств, 2, ст. 29 и пр. и 3, ст. 13, 14). Весьма верно д-р Гейлер (знаменитый страсбургский проповедник два века тому назад) такого рода родителей изобразил в следующей картине: дети рвут свои собственные волосы, режут себя ножами, а отец сидит с завязанными глазами.

7. — До сих пор были общие соображения. Теперь о вышеуказанных добродетелях я буду говорить отдельно: как дети могут совершенствоваться в них прилично, разумно и легко.

8. — Первое место должны занимать умеренность и воздержание, так как это основа здоровья и жизни и мать всех остальных добродетелей. К этому дети привыкнут, если им будут давать столько пищи, питья и позволят столько спать, сколько требует природа. Ведь остальные животные, следующие указаниям одной только природы, более воздержанны, чем мы. Таким образом, дети должны есть, пить, спать только в то время, когда их побуждает к этому природа, именно, когда очевидно, что у них есть чувство голода, жажды и потребность сна. Кормить их, поить и укладывать спать помимо их желаний было бы безумным. Достаточно, если им давать всё согласно с требованиями природы. Нужно обращать внимание на то, чтобы аппетит не возбуждался искусственно какими-нибудь тонкими кушаньями или лакомствами. Ведь это смазанные повозки, на которых возят больше, чем необходимо, это приманки, ведущие к обжорству. Правда, иногда несколько не мешает предложить детям что-либо вкусное, однако давать пищу, состоящую только из лакомств, чрезвычайно вредно как

для здоровья (об этом в V главе), так и для добрых нравов.

9. — Основы чистоты можно будет закладывать немедленно на первом же году жизни, ухаживая за ребёнком с возможно большой опрятностью. Как это должно происходить, няньки, если они не лишены смысла, это знают. На втором, третьем и следующих годах полезно учить детей, чтобы они прилично брали пищу, не пачкали жиром пальцев, не пачкали себя разбрызганной пищей, не издавали во время еды звуков (издавая по-свиному звук губами), не высовывали языка и пр. Пить дети должны без лизания, облизывания и неприличного обрызгивания себя. В одежде нужно требовать разносторонней чистоты, чтобы они не волочили одежды по земле, не пачкали и не пачкали её умышленно. Детям это свойственно ещё по недостатку у них ума, а родители по какой-то глупости на всё это смотрят сквозь пальцы.

10. — Дети легко привыкнут почитать старших, если узнают, что старшие очень о них заботятся и внимательны к ним. Итак, если часто будешь обращаться к ребёнку, будешь его обличать и наказывать, не беспокойся, он будет питать в тебе уважение. А если детям будешь позволять всё, как обыкновенно делают родители, чрезмерно любящие детей, то совершенно несомненно, что дети будут жить в своеволии и упрямстве. Любить детей — дело природы, а скрывать свою любовь — дело благоразумия. Вполне правильно говорит Сирах, что необъезженный конь окажется упрямым, а избалованный сын обречён на гибель. Ласкай сына, и устроит тебя, ипрай с ним, и опечалит тебя. Не смейся с ним, чтобы не пришлось тебе печалиться за него и, наконец, стиснуть зубы твои (Сирах, 30, ст. 8, 9, 10). Итак, лучше держать детей в строгости и в страхе, чем открывать им глубину своей любви и тем самым открывать им дверь к своеволию и непослушанию. Хорошо

также давать и другим право порицать детей, чтобы, где бы они ни были (а не только на виду у родителей), они привыкли сдерживать себя и таким образом воспитывать в сердце своём скромность и уважение ко всем людям. Поэтому непредусмотрительно и совершенно неразумно поступают те, кто никому не позволяет даже искоса посмотреть на своих детей. А если кто-нибудь что-нибудь скажет о них или сделает им замечание, родители начинают за них вступаться даже в присутствии самих детей. Благодаря этому горячая кровь, точно оседлав коня, даёт полную свободу своеволию и заносчивости. Итак, этого нужно остерегаться.

11. — Нужно с величайшим усилием доводить юншество до действительного послушания. Если оно научится сдерживать собственную волю, а чужую исполнять, то на будущее время это послужит основой величайших добродетелей. Нежному растению мы не позволяем расти по своей воле, но привязываем к колышку, чтобы, будучи привязано, легче поднимало свою верхнюю часть и набирало силы. Отсюда совершенно правильно было сказано Теренцием: «Все мы от своеволия становимся хуже». Итак, всякий раз, как отец или мать скажут ребёнку: Не трогай этого, сиди, дай ножик, дай то или другое и пр., нужно приучать детей к тому, чтобы они тотчас исполняли то, что им приказывают. А если они пожелают проявить упрямство, то его легко можно будет сломить окриком или разумным наказанием.

12. — О персах мы читаем, что в воспитании детей они с величайшим старанием стремились приучать их к воздержанию и правдивости. И не без основания, так как лживость и лицемерие делают человека ненавистным для бога и людей. Ложь есть порок рабов, и все люди должны питать к нему отвращение, говорит Плутарх. О боге Писание свидетельствует, что ложные уста ему омерзение (Притчи, 12, ст. 22). Итак, следует требовать от детей, чтобы они не отрицали сделан-

ного, если допустили какую-либо порчу, но скромно сознались и, с другой стороны, не говорили того, чего не было. Поэтому Платон воспрещает в присутствии детей читать сказки и вымышленные басни, а желает вести детей сразу к серьёзному. А потому я не знаю, как можно оправдать то, что некоторые имеют обыкновенные делать. Они учат детей за сделанный проступок перекладывать вину на других, и если дети сумеют это сделать, то учителя обращают это в шутку и забаву. Но кому от этого величайший вред, как не ребёнку? Если он приучится подменять ложь шуткой, то он научится лгать.

13. — Враг справедливости — стремление к обладанию чужими вещами — пока ещё не заражает этого нежного возраста, если его не портят няньки или те, кто имеет попечение о детях. Это происходит в том случае, если в присутствии детей один уносит вещи у другого и скрывает их, или тайком сберегает себе пищу, или покушается на чужое. Происходит ли это в шутку или серьёзно, дети, однако, видя это, приучаются подражать, и в этом также они самые настоящие обезьяны; ведь, что бы они ни видели, это к ним пристаёт, и они делают то же самое. Итак, няньки или те, кто занимается с детьми, должны вести себя в их присутствии с величайшей осторожностью.

14. — Радущию и благотворительности (по отношению к другим) в эти первые годы дети будут в состоянии научиться постепенно, если будут видеть, как родителями раздаётся милостыня среди бедных, или если им самим прикажут отнести её, или если иногда им подскажут уделить другим что-либо из того, что они имеют. Когда они это сделают, их нужно будет за это похвалить.

15. — Наши предки имели обыкновение говорить, что праздность — подушка сатаны. И совершенно верно. Ведь кого сатана найдёт не занятым трудами, того он займёт сам сперва дурною мыслью, а затем также и позорными делами. Итак, благоразумно уже с нежного

возраста не оставлять человека праздным, но постоянно занимать его трудами, так как таким образом заграждается дорога злейшему искусителю. Я разумею, конечно, труды, которые не превышают сил ребёнка, хотя они не что иное, как игра (как это и должно быть). Лучше играть, чем пребывать в праздности, ибо во время игры ум всё-таки чем-либо напряжённо занят и часто даже изощряется. Таким образом, без всякого затруднения дети весьма легко могут упражняться в подготовке к деятельной жизни, так как сама природа заставляет их что-либо делать. Об этом сказано выше (глава VII).

16.— Пока дети ещё учатся говорить, им нужно предоставить свободу говорить и возможно больше лепетать. Но после того как они научились говорить, будет весьма полезным научить их также молчать. Мы желали бы, чтобы они были не немymi статуями, а разумными созданиями. Кто думает, говорит Плу т а р х, что молчание — дело ничтожное, тот неразумен. Началом великой мудрости является возможность разумно пользоваться молчанием. Молчание никому, конечно, не повредило, но весьма многим повредило то, что они говорили. Вреда могло бы и не быть, однако, так как то и другое — говорить и молчать — является основой и украшением всего нашего разговора на всю жизнь, то они должны быть соединяемы нераздельно, чтобы сразу мы приобретали себе возможность пользоваться тем и другим. Итак, родители должны приучать детей к молчанию во время молитвы и богослужения (как дома, так и в церкви); никакое беганье, крик, шум не должны быть ими позволяемы в это время. Также должны они научиться молча выслушивать какие-либо приказания отца или матери. Другой стороной молчания будет обдуманная речь, чтобы, прежде чем говорить или отвечать на вопросы, дети подумали, что и как им разумно сказать. Ибо говорить всё, что подвернётся на язык, глупо,

и не подходит это тем, из кого мы желаем сделать разумные существа. Однако, как я всегда подчёркиваю, — насколько позволяет возраст, на это разумные родители должны обращать серьёзное внимание.

17. — Качество терпения даже ребёнок может отчасти приобрести, если не будет излишней изнеженности и чрезмерной снисходительности. У некоторых уже на первом и на втором году начинают обнаруживаться порочные, дурные наклонности: самым лучшим будет вырвать это тотчас, при самом появлении, как чертополох. Например, какой-нибудь упрямый ребёнок криком и плачем стремится добиться того, что пришло ему в голову. Другой свой гнев, злость, жажду мести проявляет кусаясь, ударяя ногами, царапаясь и другими способами. Такие аффекты не являются естественными, а представляют собой только вырастающие плевелы, а потому родители и няни должны относиться к ним с большой рассудительностью и подавлять их также в самом корне. В первом раннем возрасте это легче и гораздо полезнее сделать, чем впоследствии, когда злость пустит глубокие корни. Напрасно говорят (как это обычно у некоторых): «он — ребёнок, не понимает». Выше уже было сказано, что такие люди сами лишены разума. Справедливо, однако, что бесполезные травы мы не сразу можем вырвать, как только они начинают вырастать из земли, так как мы ещё не можем правильно распознать диких трав от посеянных и не можем выдернуть их рукой. Однако верно и то, что не следует ждать, пока они подрастут, потому что впоследствии крапива будет жечь сильнее, чертополох будет больше колоть, а полевые плоды или другие полезные травы будут заглушены и погибнут. А когда этот терновник, пустивший уже крепкие корни, вырывается силою, то часто подрываются корни у растущего рядом посева. Итак, как только ты заметишь плевелы, крапиву и терновник, тотчас вырывай. Тем успешнее будут произрастать настоящие посева. Если ты видишь,

что ребёнок хочет сверх необходимости лакомиться и объедаться мёдом, сахаром и какими угодно фруктами, ты будь разумнее его и не позволяй этого; уведи его, займи чем-либо другим, на его плач не обращай внимания; достаточно наплакавшись, перестанет и отучится от этого на будущее время с большой для себя пользой. Равным образом, если он пожелает вести себя дерзко и нагло, не жалей его, крикни на него, накажи его физически, убери у него то, из-за чего он плачет. Таким образом, он, наконец, поймёт, что нужно подчиняться твоей воле, а не стремиться к тому, что его манит. Для такого воспитательного приёма двухлетний ребёнок достаточно созрел; нужна, однако, осмотрительность, чтобы ребёнка не раздражить и не вызвать у него гнева. Ибо в этом случае ты сам открыл бы ему дорогу для пренебрежения твоими увещаниями и твоими наказаниями.

18. — Чтобы приучить детей к деятельности и услужливости, нужно весьма мало труда, так как, можно сказать, они сами по себе хватаются за всё, только бы им не мешали и лишь бы их научили, как это должно делать благоразумно. Итак, отец или мать пусть постоянно поручают детям исполнять то, что они могли бы исполнить сами или через слугу: «Мой мальчик, подай мне это сюда. Подними это, положи это на скамейку. Поди, — позови Ваню. Скажи, чтобы Аннушка пришла ко мне. Дай этому нищему четверть унции. Сходи к бабушке, пожелай ей от меня доброго дня и скажи, что я спрашиваю, как её здоровье, а с возвращением поспеши» и пр.; всё — сообразно с силами возраста. Кроме того, следует упражнять детей в быстроте и подвижности (расторопности), так, чтобы, когда им что-либо поручается, они, оставив пры и всё остальное, исполняли это как можно скорее. Этой готовности подчиняться старшим дети должны научиться с самого юного воз-

раста, и затем она будет служить им великим украшением.

19. — Что касается вежливости (*modum civilitatis*), то родители могут обучить ей детей настолько, насколько сами в состоянии быть вежливыми; итак, нет необходимости здесь в специальном указании. Милым будет тот ребёнок, который как в отношении к своим родителям, так и в отношении к другим ведёт себя почтительно и приветливо; у некоторых это как бы природённое, другие должны в этом упражняться, и этим не следует пренебрегать.

20.— Наконец, чтобы эта приветливость и ласковость не была неразумной, её нужно умерять скромностью и серьёзностью. Когда осёл, о котором рассказывает басня, видя, что собачка ласкается к своему хозяину хвостом и вскакивает к нему на грудь, попытался сделать то же самое, то вместо благодарности получил удары палкой (так как эта ласка не подходила к нему, как к ослу). Эту басню можно рассказать детям, чтобы и сами они поняли, что кому идёт.

21. — А чтобы они знали, что прилично и что неприлично, их нужно приучать к известным жестам и движениям: как правильно сидеть, как встать, как прилично ходить, не кривляясь, не шатаясь, не раскачиваясь; как они должны просить, если им что-либо нужно, как благодарить, когда им дают, как приветствовать, если кого-либо встречают, как сгибать колени и протягивать правую руку, если с ними заговаривают старшие, как снимать шляпу, держать спокойно руки и пр., и много другое, что касается добрых и хороших нравов и привычек. В другом месте об этом будет сказано подробнее. Здесь было необходимо только коснуться кое-чего.

КАК ДОЛГО СЛЕДУЕТ ДЕРЖАТЬ ДЕТЕЙ В МАТЕРИНСКОЙ ШКОЛЕ

1. — Как маленькие растения, выросшие из своих семян, пересаживают в огород, чтобы они лучше росли и приносили плоды, так и детей, воспитанных под покровом матери, укрепившихся умственно и физически, для лучшего роста нужно передавать на попечение учителей. Ведь перенесённое в другое место деревцо всегда вырастает выше и огородный плод всегда вкуснее полевого. Но когда и как это нужно делать? Отпускать детей из материнского крова и передавать преподавателям ранее шестилетнего возраста я не советовал бы по следующим причинам.

2. — Во-первых, слишком юный возраст требует для себя больше заботы, чем сколько мог бы дать ему учитель, имеющий на своём попечении массу детей. Итак, лучше пока им оставаться под родным кровом матери.

3. — Затем безопаснее, чтобы мозг основательно окреп ранее, чем он начнёт работать, а у ребёнка на пятом или на шестом году едва лишь заканчивается всё образование черепа и мозг становится твёрдым. Итак, для этого возраста достаточно того, что предлагается для понимания при домашнем обучении, само собой, незаметно и как бы путём игры.

4. — Кроме того, было бы совершенно бесполезным, если бы мы действовали иначе. Если взять для прививки сучок ещё слабый, он будет расти слабо и медленно, а если он более крепок — то сильнее и быстрее. Молодая лошадь, слишком рано запряжённая в повозку, становится слабее, но, если дать ей достаточно времени, чтобы

¹ X глава для советского читателя представляет только исторический интерес. Она показывает, какая непонятная и трудная для детей и вместе с тем неблагоприятная задача падала на родителей и воспитателей в те времена, когда господствовала в мировоззрении людей религия и церковь. А поэтому мы ее исключили.

подрасти, будет везти лучше и вознаградит за данную отсрочку.

5. — И, наконец, не так велика отсрочка ждать до шестого или начала седьмого года, если приняты меры (как мы указали), чтобы дома не было недостатка в том, в чём дети могли бы укрепляться в эти первые годы своей жизни. Если ребёнок вышеуказанным способом уже начал приобретать навыки в благочестии и добрых нравах (особенно в почтительности, послушании и повиновении по отношению к старшим), а также и в мудрости, в быстром выполнении дела, в отчётливом произношении слов, — то не будет слишком поздно, если он поступит учиться в школу шести лет.

6. — Напротив того, я не хотел бы советовать задерживать ребёнка долее шести лет, так как в этот срок легко можно закончить то, что (по вышеуказанному пути) нужно было усвоить дома. И если затем тотчас не отдать ребёнка в настоящую школу, несомненно, он привыкнет к бесполезному досугу и снова одичает. Мало того, нужно опасаться, чтобы вследствие этого ненужного досуга к нему не привился тот или иной порок, который потом, точно вредные плевелы, с трудом можно было бы вырвать. Итак, самое лучшее продолжать то, что раз было начато.

7. — Однако этого не следует понимать безусловно, как будто переход в школу непременно должен происходить только после исполнения шести лет. Сообразно со способностями ребёнка, этот срок можно или продлить, или сократить на полгода или даже на целый год. Ведь некоторые деревья приносят плоды даже весною, другие — летом, иные — осенью. Но ранние цветы, однако, опадают быстрее, как мы видим, а поздние лучше созревают. Подобным образом скороспелый плод годен сегодня, а долее не может храниться, а поздний плод может лежать дольше.

8. — И хотя некоторые дети (ранее шести, пяти

и даже до четырёх лет) желали бы высоко летать, однако будет хорошо скорее сдерживать, чем позволять им это, а тем более, побуждать их к этому. Иначе тот, кто прежде времени желает быть доктором, едва будет бакалавром¹⁷, а иногда даже окажется глупцом; так и виноградная ветвь, которая вначале роскошно растёт и в большом числе приносит виноград, будет подниматься вверх, однако ослабит корень и будет недолговечна.

Есть, напротив того, дети более отстающие, с которыми едва ли можно будет что-либо начать на седьмом или на восьмом году. Поэтому наш совет, который мы здесь даём, нужно относить к детям со средними способностями (которых всегда бывает большее число). Если у кого-либо будет более способный или более тупой ребёнок, тому можно будет посоветоваться с учителями или начальниками школы.

9. — Признаки, по которым можно сделать заключение о способности детей посещать общественные школы:

1) Если ребёнок знает то, что ему следует знать в материнской школе.

2) Если в нём будут замечены внимание и размышление по поводу предлагаемых вопросов и известная способность суждения.

3) Если у него обнаружится, сверх того, некоторое стремление к более высокому образованию.

Глава XII

КАКИМ ОБРАЗОМ РОДИТЕЛИ ДОЛЖНЫ ГОТОВИТЬ СВОИХ ДЕТЕЙ К ШКОЛЕ

1. — Все человеческие дела, если ими заниматься с пользой, требуют осмотрительности и должной подготовки. На это указывают Сирах (18, ст. 18), требуя подготовки ранее молитвы, ранее суда и ранее произне-

сения какого-либо слова, хотя бы вопрос казался особенно ясным (гл. 33, ст. 4). И во всяком случае, естественно, чтобы создание, владеющее разумом, ничего не делало без обдумывания, почему это делать и какое должно или может быть следствие, если поступить так или иначе. Итак, родители должны отдавать своих детей для образования в школу обдуманно, и прежде всего сами должны подумать, что предстоит здесь делать, и открыть глаза детям, чтобы они поразмыслили о том же самом.

2. — Итак, неразумно поступают те родители, которые без всякой подготовки ведут своих детей в школы, точно телят на бойню или скотину в стадо; пусть потом школьный учитель мучится с ними, терзает их, как хочет. Но ещё более безумны те, кто сделали из учителя пугало, а из школы застенки и всё-таки ведут туда детей. Это происходит в том случае, если родители или прислуга в присутствии детей неосторожно болтают о школьных наказаниях, о строгости учителей, о том, что больше дети не будут играть, и тому подобное. «Пошлю тебя в школу, — говорят, — успокоись, выпорют тебя, подожди только» и пр. Этим способом в детях развивается не кротость, но ещё большее одичание, отчаяние и рабский страх по отношению к родителям и учителям.

3. — Итак, разумные и благочестивые родители, воспитатели и попечители будут поступать так. Во-первых, когда приближается время посылать детей в школу, они будут ободрять их, точно наступает ярмарка или собиране винограда, говоря, что они пойдут в школу вместе с другими детьми и вместе с ними будут учиться и будут играть. Может также отец или мать пообещать ребёнку красивую одежду, изящную шляпу, красивую дощечку для письма, книжку и что-либо подобное, а иногда и показать то, что уже приготовлено для ребёнка (ко дню отправления в школу). Однако давать

этого не будут (чтобы дети всё более и более воспламенялись желанием), но будут только обещать, что дадут. Об этом будут говорить такими и следующими словами: «Ну, дорогой сын, усердно молись, чтобы поскорее наступило то время, будь благочестивым и послушным» и пр.

4. — Хорошо будет также разъяснить детям, какое это прекрасное дело посещать школу и учиться. Ведь из таких детей выходят важные люди, начальники, доктора, проповедники слова божия, сенаторы и пр., все выдающиеся, славные, богатые и мудрые люди, к которым остальные должны относиться с почтением. Таким образом, гораздо лучше посещать школу, чем дома томиться от безделья или бегать по улицам, или изучать ремесло и пр. Затем, учение не есть труд, но забава с книгами и пером, и гораздо приятнее сахара. А чтобы они заранее до некоторой степени познакомились с этими занятиями, не мешает дать им в руки мел, которым бы они могли рисовать на скамейках, на столе или на данной доске проводить линии, рисовать, что только хотят: чашки, кресты, круги, звёздочки, лошадей, деревья, и пр., передают ли они это верно или нет — неважно, лишь бы только они получали от этого удовольствие. Невозможно, чтобы это осталось без результата; ведь они таким образом легче будут привыкать чертить буквы и различать их, и вообще не следует упускать из виду ничего, что сверх того можно придумать для возбуждения в детях любви к школе.

5. — Кроме того, родители должны будут внедрять детям любовь и доверие к будущим преподавателям. Этого одним способом достигнуть нельзя. Иногда нужно любовно упоминать об учителе, называя его дядей по отцу или по матери, крёстным отцом, соседом и вообще расхваливая его учёность и мудрость, его любезность и доброту, указывая, что он человек выдающийся, многое знает, ласков к детям и их любит. И хотя и правда,

что некоторых он наказывает, но только безнравственных и непослушных, кто заслуживает того, чтобы его наказывали, а послушных он не наказывает никогда. При всём этом он показывает, каким образом что-либо нужно писать или читать и пр. Говоря с детьми так, и каким-нибудь иным подобным образом, по-детски, родители должны устранить у детей всякий страх перед школой. Затем также нужно спрашивать: будешь ли ты послушен? Если ребёнок скажет, что он будет послушен, ему нужно сказать: итак, знай наверно, что учитель тебя полюбит. А чтобы у ребёнка завязалось какое-либо знакомство с его будущим учителем и чтобы он правильно понял сказанное ему и укрепился в этой надежде, мать или отец иногда (отправив его одного или со служанкой) могут послать учителю какой-нибудь подарок. Тогда учитель (помня о своём долге) ласково с ним поговорит, покажет ему что-нибудь, чего тот не видел (книжку, рисунок, какой-нибудь музыкальный или математический инструмент и то, что ребёнку может доставить удовольствие). Иногда также учитель что-либо подарит ребёнку: дощечку для письма, флакончик чернил, маленькую монету, сахар, какой-нибудь фрукт или что-либо подобное. А чтобы учителю не было от этого ущерба, родители (ради которых это происходит) могут и должны это как-нибудь возместить или вперёд что-либо послать. Таким образом, ребёнок будет относиться к школе и к учителям бодро и с расположением, особенно если у него будет проявляться благородная натура. Здесь уже половину дела сделает тот, кто так хорошо начнёт; ведь сама школа будет для него только забава, и дети будут делать успехи с радостью.

6. — Однако, так как всякая мудрость от господ и пребывает с ним от века (Сирах, 1, 19), а он и руководитель к мудрости, и исправитель мудрости и в его руках мы и наши речи, равно промысл и значение (Премудр., 7, ст. 15), то сама необходимость требует, чтобы

родители снова в благочестивых молитвах вверяли своих детей богу, прося, чтобы он благословил их школьные работы и сделал из них сосуды благодати, а если то будет угодно его милосердию, то и орудия своей славы. Так Анна с молитвами поручала своего сына Самуила жрецу Илии; так Давид поручал Соломона пророку Нафану; так мать чешского мученика, учителя Гуса, ведя его в чужую страну, несколько раз во время пути, падая с ним на колени, изливала молитвы. Церковь знает, что бог услышал и благословил её. Ведь каким образом бог мог бы отвергнуть то, что ему с плачем и слезами посвящается всем сердцем и пламенно (сперва во чреве матери, после — в крещении и снова теперь, при поступлении в школу)? Каким образом не принял бы он столь святой жертвы? Это невозможно ¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подчиняясь традиции, мы сохраняем установившееся в русской педагогической литературе не совсем точное заглавие «Материнская школа».

В оглавлении амстердамского издания 1657 г. это произведение названо «Schola materni gremii», т. е. «Школа материнского лона», а в тексте «Schola infantia] sive de provida juventutis prima sexaennio educatione». При точном переводе на русский язык следовало бы озаглавить это сочинение так: «Школа детского возраста, или о заботливом воспитании юношества в первые шесть лет». Это же название удерживается за данным произведением и в последнем издании Полного собрания сочинений Коменского в Брю.

² Вся первая и частично вторая главы дают представление о религиозно-христианском направлении мышления Коменского в его взглядах на природу детей и их назначение. Это объясняется тем, что в эпоху Коменского имело место «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности». «Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было... необходимым следствием того, что церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя» (Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, 1930, стр. 128). По существу же в вопросах воспитания Коменский стоит на позициях нового времени, но обосновывает и защищает эти позиции старыми средствами средневековой идеологии.

³ Термин «тривиальный» происходит от латинских слов *trēs* — три и *via* — дорога, путь. Тривиальными школами древние римляне называли народные школы для первоначального образования. В эпоху Меланхтона в XVI в. ещё не были известны так называемые народные школы на родном языке учащихся, и, по традиции от древних римлян, школы начального образования также носили

название «тривиальных». Эта традиция поддерживалась и тем обстоятельством, что в зависимости от квалификации учителей эти школы иногда перерастали в школы для изучения трёх (tres) путей (via), ведущих к образованию: грамматики (латинского языка), риторики (умения писать и говорить на латинском языке) и диалектики (умения приводить доказательства и вести споры). Грамматика, риторика и диалектика, взятые вместе, назывались науками тривиума (от тех же латинских слов — tres три и via — дорога).

⁴ Доктор — от латинского слова *doceo* — учу, третья учёная степень, следовавшая после первых двух — бакалавра и магистра.

Лиценциат (от латинского *licet* — дозволено) — учёное звание, обозначавшее право окончившего учебное заведение занимать должность преподавателя или какую-либо должность в церковном и светском управлении.

Суперинтендент — название должности по церковному управлению округом или областью.

⁵ Упомянутая здесь VI глава «Дидактики» представляет собой обстоятельное, разностороннее раскрытие Коменским той идеи, что «человеку, если он должен стать человеком, необходимо получить образование», а без сознательного, планомерного, систематического воспитания человек «станет не чем иным, как только зверем». Вместе с тем в этой главе Коменский доказывает, что в воспитании нуждаются в одинаковой мере и богатые, и бедные, и даровитые, и тупые дети, и дети начальствующих людей, и подчинённых...

⁶ Коллегии в древнем Риме и Западной Европе в средние века назывались учебные заведения, возникшие на основе объединений учащейся молодёжи, сосредоточивавшейся в центрах образования и стремившейся к получению наиболее совершенного образования под руководством известных лучших учителей. Отсюда и до сих пор во Франции, Англии и США средние, а иногда и высшие учебные заведения называются коллежами и колледжами.

Слово гимназия происходит от греческого слова *γυμνάσιον* — упражняюсь (предполагаются упражнения в развитии физических сил) в том смысле, в каком у нас теперь принято говорить о гимнастических развлечениях и упражнениях с элементами состязания. А русское слово «школа», как и латинское *Schola*, происходит от греческого слова *σχολή*, что означало отдых, не бездеятельный отдых, а отдых в смысле развлечения. Поэтому древние римляне греческий термин «школа» передавали латинским словом *ludus*, что означало игру в смысле наших подвижных игр. Следовательно, опять-таки это понятие включает развлечение,

соединённое с элементами не только простого общения с другими людьми, но и состязания.

⁷ Названная здесь XII глава в «Великой дидактике» Коменского озаглавлена так: «Школы можно преобразовать к лучшему». В этой главе Коменский обещает раскрыть в своей книге «такое устройство школы, благодаря которому:

I. Образование должно получать всё юношество, за исключением тех, кому бог отказал в разуме.

II. Юношество обучалось бы всему тому, что может сделать человека мудрым, добродетельным, благочестивым.

III. Как подготовка к жизни, это образование должно быть закончено ещё до наступления зрелости.

IV. Это образование должно происходить весьма легко и мягко, как бы само собою — без побоев и суровости или какого-либо принуждения...

V. Юношество должно получить образование не кажущееся, а истинное, не поверхностное, а основательное, т. е. чтобы разумное существо — человек — приучался руководствоваться не чужим умом, а своим собственным, не только вычитывать из книг и понимать чужие мнения о вещах или даже заучивать и воспроизводить их в цитатах, но развивать в себе способность проникать в корень вещей и вырабатывать истинное понимание их и употребление их. Нужно также стремиться к основательному усвоению нравственности и благочестия.

VI. Это образование не должно требовать больших усилий, а должно быть чрезвычайно лёгким. Нужно уделять не более четырёх часов ежедневно на занятия в школе, и притом так, чтобы было достаточно одного учителя для обучения одновременно хотя бы ста учеников. Причём эта работа всё же будет в десять раз легче, чем та, которая теперь обыкновенно затрачивается на обучение отдельно взятых учащихся поодиночке».

«Единственным и вполне достаточным» основанием для таких планов и надежд на преобразование школ Коменский считает природу человека, в которой заложено стремление к совершенствованию. «Так как семена знания, нравственности и благочестия... от природы присущи всем людям (за исключением уродов), — пишет далее Коменский, — то отсюда по необходимости следует, что нет надобности ни в чём, кроме самого лёгкого побуждения их и некоторого разумного руководства ими» («Великая дидактика», гл. XII, § 12).

⁸ IV глава «Материнской школы» представляет собой центральную, главнейшую часть трактата Коменского. В ней идеи дошкольного воспитания рассматриваются в свете общих задач обра-

асвания в целом, его содержания и характера. Отбросив как непригодные для нас его богословские рассуждения о задачах и характере воспитания благочестия, мы находим в этой главе систему качеств морального воспитания (§ 7) и систему знаний, умений и речи (§§ 8—12), прививаемых детям в дошкольном возрасте. Все эти качества морального поведения, знания и умения Коменский распределяет по группам и придаёт этим группам название учебных дисциплин, обычно изучавшихся в школах вплоть до завершения образования. Таким образом, идеи дошкольного воспитания ставятся Коменским в качестве составной части общего образования и являются тождественными с образованием на последующих ступенях.

⁹ Мановение — от латинского слова *manus* — рука; по «мановению» — в буквальном переводе означает по движению руки, а в переносном смысле — по малейшему знаку или проявлению желания.

¹⁰ Знать (*sapere*), делать (*agere*), говорить (*loqui*) — излюбленное Коменским трехчастное деление наук и искусств по их образовательно-воспитательным результатам. В этом делении заключается основа педагогических позиций Коменского. Соединяя начальные буквы латинских слов *S* (*sapere*), *A* (*agere*) и *L* (*loqui*), Коменский получает латинское же слово *Sal*, что означает соль или суть дела. Он признаёт ценным только такое образование и воспитание, которое даёт в результате обогащение воспитываемого знаниями, соединяющимися с умением действовать в соответствии с этими знаниями и со способностью передавать и разъяснять другим как свои знания, так и умение действовать.

Таким образом, Коменский стремится обеспечить учащихся тем, что мы называем действительными знаниями или подготовкой к культурной жизни (сравни трактаты Коменского «О культуре природных дарований» и «Выход из схоластических лабиринтов»).

¹¹ Термин физика (от греческого слова *φυσική* — естественное, природное) в эпоху Коменского применялся ко всем наукам о природе, а не только к физике в нашем смысле слова. Это объясняется состоянием естественных наук того времени, ещё не подразделявшихся на отдельные науки так, как они успели подразделиться к нашему времени. Поэтому в данном месте термин «физика» следовало бы передать нашим термином «естествознание».

¹² Надо признать, что Коменский выдвигает здесь наряду с посильными и непосильные задачи для детей дошкольного возраста. Представления о времени — самые трудные для детей этого возраста; даже пяти-шестилетние дети нередко путают понятия «вчера» и «сегодня». А тем более от детей этого возраста нельзя ожидать и

требовать представления о годе и установления событий, имевших место «в прошлом году, два или три года тому назад», как хотел бы этого Коменский. Воспоминания детей дошкольного возраста о том, что было год, два, три тому назад, могут носить только неопределённый характер, что что-нибудь происходило давно, без точного обозначения истекшего отрезка времени. Поэтому нужно согласиться с Коменским, что воспоминания о прошлом оказываются «слабыми» и «туманными».

¹³ Вопрос о том, «кто относится к составу семьи и кто нет», является вопросом социальных отношений и к «экономике» или хозяйству имеет косвенное отношение. В главе VI, § 9 Коменский поясняет, что в содержание этого вопроса входят хозяйственные взаимоотношения между членами семьи и нечленами семьи, как, например, няня, о хозяйственной и руководящей роли отца, матери. Эти отношения, понятно, уже ближе подходят к экономике. Нужно также отметить, что социальные отношения родственного порядка (брат, сестра, дядя, тётя, муж, жена и т. п.) становятся понятными детям, в особенности девочкам, довольно рано.

¹⁴ Тропами называются слова и выражения, употребляющиеся не в буквальном, а в переносном смысле. Такие выражения имеют место главным образом в поэтических произведениях и в ораторских выступлениях для того, чтобы придать речи живость и силу.

Фигурами в ораторском искусстве или в поэзии называются такие обороты речи, с помощью которых слушателю или читателю передаётся настроение автора; к таким оборотам относятся: восклицания, обращения, перестановка слов и т. п.

¹⁵ Далее Коменский приводит «форму молитвы для беременных женщин». По существу дела эта молитва не представляет интереса для выяснения педагогических взглядов Коменского, а потому мы её опускаем. Единственно, что следует при этом отметить, так это то, что Коменский считает необходимым постоянное, возвышенное, сосредоточенное отношение будущей матери к вынашиванию здорового, хорошего ребёнка. И таким образом всей силой религиозного авторитета освящает состояние беременности. Как известно, все культурные люди с большой деликатностью, уважением и предупредительностью относятся к беременной женщине. И это уважение относится и лично к ним, и к тайне природы, подготавливающей рождение нового, живого, сознательного существа.

¹⁶ Десятнадцатый параграф V главы весьма характерен для педагогических позиций Коменского. Впоследствии английский философ XVII в. Локк и французский мыслитель XVIII в. Жан Жак Руссо развивали далеко не безопасную на практике идею системы

закаливания и предоставления ребёнка опасностям физической среды. Разумное использование советов Коменского о соблюдении умеренности в пище и питье и предосторожности от ушибов и других опасностей физической среды в житейской практике, несомненно, и более естественно и более плодотворно для здоровья и благополучия детей, чем рискованная система закаливания, выдвигаемая Локком или Руссо.

¹⁷ Бакалавр — низшая, первая степень учёности, присваивавшаяся в средние века окончившим так называемый артистический факультет (факультет семи свободных наук: по латыни *ars, artis* — наука, искусство, отсюда и название этого факультета «артистическим»). На этом факультете молодые люди овладевали такими знаниями и навыками, без которых они не могли успешно изучать науки на каждом из трёх старших факультетов средневековых университетов — богословском, юридическом и медицинском. Не получить степени бакалавра, т. е. не пройти артистического факультета, в те времена равносильно было бы тому, если бы в наше время кто-либо поступил в вуз, не изучив учебных предметов школы-десятилетки.

¹⁸ Далее Коменский приводит текст молитвы, с которой родители обращаются к богу с просьбой принять школьника под его могущественное покровительство в постижении знаний и добродетельной жизни. Так как эта молитва не представляет для нас никакого педагогического интереса, мы её опускаем.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Альштед (Альстед) **Иоган-Фридрих** (1588—1638) — профессор философии в Герборнском университете герцогства Нассау, где он был учителем Коменского. Впоследствии профессор философии и богословия в Вейстенбурге в Семиградии. Его сочинения: «Триумф священных книг», «Энциклопедия», разделённая на 4 тома.

Андреэ **Иоган-Валентин** (1558—1654) — был известным духовным сановником на своей родине в Вюртембергском королевстве. Выступал против механического изучения латинского языка в учёных школах и катехизиса в народных школах.

Аристотель (384—322 до н. э.) — крупнейший учёный и философ древнего мира, ученик, но не последователь Платона. Аристотель в действительности был всеобъемлющей головой, был не только философом, но и учёным, заложившим основы как гуманитарных, так и естественных наук. Он основатель своей школы неподалеку от Афин в Ликее (отсюда название учебных заведений — лицей). Оказал могущественное влияние на всю последующую философию вплоть до наших дней. В средние века, да и в начале нового времени Аристотель был известен преимущественно своей формальной логикой.

Бэкон **Франциск Веруламский** (1561—1626) — английский философ и государственный деятель. По его учению, источником всякого знания являются ощущения. Главными средствами научного метода служат, по Бэкону, индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент. «В Бэконе, — пишет К. Маркс, — как первом творце материализме, в наивной ещё форме скрыты зародыши всестороннего развития этого учёного. Материя улыбается своим поэтическим чувственным блеском всему человеку. Но изложенное в афористической форме учение Бэкона ещё полно теологической непоследовательности» (Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 157).

Главным произведением Бэкона является его «Новый Органон» (1620), названный им так в противовес аристотелевскому «Органону», пользовавшемуся непререкаемым авторитетом в течение всего раннего средневековья. Критика Бэконом феодального мировоззрения, его эмпиризм и материализм, новые методы познания были одной из форм классовой борьбы восходящей буржуазии, расчищавшей идеологическую почву для утверждения капиталистических отношений (стр. 14).

Вивес Людовик (1492—1540) — крупнейший учёный-гуманист своего времени; в философии — предшественник Бэкона и Декарта. Родился в Испании. Занимался воспитанием дочери английского короля Генриха VIII; затем поселился в Брюгге. Первый писал о воспитании девушек. Из многочисленных его произведений наиболее известно «О душе и жизни» (1538). Педагогический характер носят следующие его сочинения: «Два письма об основе обучения юношества», «О преподавании учебных предметов или о христианском воспитании», «О воспитании христианской женщины», «Помощники духа, или символы, обозначающие лучшие принципы воспитания». Некоторые книги Вивеса современники называли «золотыми книгами».

Галилей Галилео (1564—1642) — знаменитый итальянский математик, физик и астроном. Считается одним из основателей нового естествознания. Открыл спутников Юпитера и солнечные пятна. Высказался в защиту системы мироздания, установленной Коперником, но, по настоянию инквизиции, вынужден был отказаться от своего согласия со взглядами Коперника. Галилей открыл закон движения падающих тел. Ему же принадлежит установление принципа, что понимание качественных изменений возможно лишь в том случае, если мы представляем их себе как количественные изменения.

Гелий Авл (130—170 гг. н. э.) — римский писатель второй половины II в. Живя в Риме и в Афинах, занимался философией и ораторским искусством, поддерживая близкие отношения с учёными своего времени. Написал известное сочинение в 20 книгах «Сумерки аттического мира», представляющее собой ряд заметок по поводу бесед автора с современными ему учёными, а также ряд извлечений из малоизвестных греческих и римских писателей. (V, 10).

Гус Ян (1369—1415) — чешский богослов и религиозный реформатор, поднявший большое движение в Чехии против папской власти и за национальную и культурную независимость Чехии. В своей борьбе с католическим духовенством и немецкой аристократией опирался на настроение чешского крестьянства, городских ремесленни-

ков и части чешского дворянства. Обвиняемый в ереси, был отлучён от церкви и, несмотря на данную ему охранную грамоту, по приговору суда на Констанцском соборе (1415) был сожжён на костре. (XII, 6).

Дидакус Аполефес — псевдоним автора «Развлечений, состоящих из 2100 избранных весёлых историй», Лейпциг 1624. (V, 11, 13).

Кратес из Фив (IV—III в. до н. э.) — философ-циник, последователь философа-циника Диогена. (II, 3).

Лампридий Элий (IV в. н. э.) — римский историк. Полагают, что ему принадлежат биографии нескольких римских императоров. (V, 12).

Лютер Мартин (1483—1545) — вождь церковной реформации в Германии, представитель умеренной бюргерской партии. В процессе борьбы за реформу церкви уделял серьёзное внимание организации народного образования. Защищал идею всеобщего образования по мотивам религиозного порядка, чтобы все могли читать Библию. Наиболее важно в этом отношении его послание к бургомистрам и дворянству 1524 г. Перевёл Библию на немецкий язык и тем, по замечанию Энгельса, «дал в руки плебейскому движению мощное орудие» (Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, Гиз, 1930, стр. 135). Подняв общее движение против феодализма, Лютер, перед лицом революционного движения плебеев, отступил в сторону умеренной реформы. В начале своей реформаторской деятельности предлагал «омыть руки в крови пап, кардиналов, епископов и всей остальной своры римского Содома» (там же, стр. 133). Перед лицом революционного движения плебейских элементов Лютер занял реакционную позицию: «Их (крестьян. — А. К.) нужно бить, душить и колоть, тайно и открыто так же, как убивают бешеную собаку», — восклицает Лютер (там же, стр. 135). После этого и в вопросах народного образования Лютер проводит весьма умеренные взгляды, далёкие от идеи всеобщего обучения (I, 19).

Меланхтон Филипп (1497—1560) — в молодости гуманист, позже реформатор церкви, сподвижник Лютера, крупнейший учёный своего времени, знаток классических языков. По выражению Ф. Энгельса, «прообраз филистерского и чахлого кабинетного учёного» (см. Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, Гиз, 1930, стр. 140). 17-лет отроду он уже с университетской кафедры объяснял систему образования, особенно настаивал на изучении греческого языка. Из его педагогических сочинений наиболее известны: «Об исправлении научных занятий юношества», «Устав школы, основанной в Нюрнберге», а также употреблявшиеся в течение нескольких столетий учебники греческого и латинского языков. (I, 8).

Платон (429—349 гг. до н. э.)—выдающийся философ древней Греции, ученик Сократа, учитель Аристотеля. По основному философскому направлению наиболее яркий представитель идеализма. Педагогические воззрения Платона теснейшим образом связаны с его философскими и политическими взглядами. Наиболее полно развиты эти взгляды в его сочинениях политического характера «Государство» и «Законы». Занятия со своими слушателями Платон вёл в своём имении неподалеку от Афин, называвшемся Академа, отсюда произошло название высших учебных заведений — академия. Большинство его произведений представляют собой непревзойдённые образцы художественной литературы, излагающей самые глубокие философские вопросы. (IX, 12, 16).

Плутарх (ок. 46—120 гг. н. э.). Известными его сочинениями являются сравнительные жизнеописания выдающихся людей древнего греко-римского мира и его трактаты по нравственности. (II, 3, V, 10; IX, 12, 16).

Теренций Публий (190—159 гг. до н. э.) — выдающийся римский писатель комедий. По сравнению с комедиями Плавта, его комедии отличаются более тщательной отделкой и изяществом. В средние века его комедии не только читали, но и представляли в школах. (IX, 11).

Тиберий Цезарь, Клавдий Нерон (42 г. до н. э. и 37 г. н. э.) — римский император (14—37). (V, 12).

Тит Флавий Веспасиан (39—89 гг. н. э.) — римский император. (V, 12).

Фаворин — философ и оратор времени римского императора Адриана (117—138 гг. н. э.). (V, 8).

Фемистокл (ум. 461 г. до н. э.) — известный афинский полководец. Его жизнеописание дано Плутархом. (VII, 1; X, 19).

Цицерон Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.) — величайший из римских ораторов и выдающийся писатель. Получил прекрасное образование и вскоре добился известности. Во время его консульства раскрыт был плебейский заговор, во главе которого стоял Катилина. Политическая линия Цицерона была неустойчива. В его сочинениях мы находим и довольно развитую теорию воспитания применительно к потребностям его времени. (Эпиграф к «Материнской школе», стр. 33).

Ювенал Децим Юний (ок. 60—130 гг. н. э.) — великий сатирик своей эпохи. Получил риторическое образование в Риме. В своих сатирах беспощадно бичевал римское общество своего времени. (X, 20).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Проф. А. А. Красновский. Я. А. Коменский и его «Материнская школа»	5
2. Я. А. Коменский. Материнская школа. Перевод с латинского	33
3. Примечания	94
4. Указатель имён	100

Редактор *А. Г. Степанова*. Техн. редактор *Н. В. Сахарова*.

Подписано к печати 20.X 1947 г. А 10144. Печатных листов 6,5. Уч.-изд. л. 4,86. Тираж 25.000 экз. Заказ № 283.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» Огиза при Совете Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.